

**Песни
Гюлли Чохели**

№ 3 ФЕВРАЛЬ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

К 100-летию
со дня
рождения

ЛЕНИН И МЫ

БАЛЛАДА О ВОЖДЕ

Владимир САВЕЛЬЕВ

Гравюра Д. ВИСИ

Мир был знаком со многими
вождям.
Таясь в глубинах оштукатуренной аглы,
не спал дворец, обстрелянный
дождями
и позабывший прежние балы.

Набившись под узловые арки,
не только от усталости ступи,
сидли в рукав цыгарку за цыгарной
удвоенный премьером караул.

Гончи из Ставки стискивали сабли,
в стороне кони грызли удила.

А в Зимнем, в этом каменном
ансамбле.

таорились непривычные дела.
Уставшие от стычек в переулках —
была гордость царского двора,—
в дворцовых залах, сумрачных и
глухих,
бесстрастно дулись в карты юнкера.

Юнцы, аристократы, меломаньям...
Они, гордясь призыванием воля,
могли навскидку срезать из нагаза
в семи шагах подброшенный пятак.

Могли, шеренги развернув красиво,
не кланяться осколкам до земли.
Могли любить по-своему Россию —
и лишь понять Россию не могли.

А где-то рядом в смуте и тревоге
вставал Октябрь, в стекло дышал
огнем,
и горбились железные дороги,
как ленты пулеметные, на нем.

И не казались воплощением силы
титаны и оскаленные львы.
И хлопал о гранит под ветром
стывшим
матросский клеш медлительной Навы.

И уступало правде вероломство.
А юнкерам в ту канувшую ночь
ни капитал, ни светские знаменства
не в силах были в чем-либо помочь.

И, хоть ждала собравшихся не плаха,
они глушили ром до тошноты.
Я знаю, кто знобящим чувством
страха
перекошил их тонкие черты.

Чей взгляд сквозь мрак прицуренно
и цепко
по ним скользнул из-под бессонных
век.

В расстегнутом пальто и смелой
кепке

Но в бой влекло его простое имя.

Бурлящим днем или в ночную тишь
сплоскись, мой друг, над строками
моими —
и ты зовущий профиль различьши.

Парок увидишь от его дыхання,
а на лице, уставом от тревог,
следы морщинки, словно оконячая
от мрана к свету пройденных дорог.

Смирн, мой друг, сомнения и вздох,
и выплывает к тебе издалека,
как маятник часов самой эпохи,
над толпалым взлетавшая рука.

Достоинства и слабости итота
тех, кто вокруг, и нерожденных —
нас,
он был вождем, на прежних
непохожих
и потому-то истинным как раз.

Он был вождем...
В немол поплочному мравке
сказок толпуху наслонившихся времен
я вижу разразающуюся к атаке
стремительный оттощивый эскадрон.

И как ни разнос повозим в щепки,
куда синцовались, лившим, ни кропи,
лавины, точно лисья на ущербе,
а мерданные шашек мчится по степи.

Ах, каждому из пестрой этой лавы
надо по праву, ругнув на скаму,
откажется навсегда в польных травках
на лавом на простреленном попу.

И я слежу за тем, как, гнигуя ревно
и круто повернув на пулемет,
отек, сменяя убитого комэкса,
под пули вырывается вперед.

Смело кубанку... А клинок тяжелый,
раскрученный для стачки любовой,
боневатанный свет ореолом
над бритой комиссарской головой.

Давеш зарю свободой!
А давно ли,
ниде, вслухую верзую труппу,
орая отек по разнисуую волно
и угрожал булыжником попу.

Но из того кабацкого угара,
из гиблой тесноты барачных нор
его прозрение вынесло недаром
на обгареный зорям простор.

Я знаю, знаю, усмигнувшись носом,
в веревках, словно в замкнутом
кругу,
он мог бы плюнуть кровью на
допросе
в лицо самовольному врагу.

Свободе мог служить без всяких
кески:
скажи она: умир! — падет в бою,
скажи: воскресни! —
и воскреснет в весне,
чтоб рассказать про молодость свою.

Скажи: не прикайся к
револьверу! —
и только сердцем заслонит мечты.
Я знаю, кто единственную веру
оджухил в его стружке черты.

Чей взгляд сказок мрак
прирученно и цепко
овет отек из-под бессонных век.
В расстегнутом пальто и святой
кепке
казался мирным этот человек.

Но в бой влекло его простое ния.
Бурлящим днем или в ночную тишь
сплоскись, мой друг, над строками
моими —
и ты упрямый профиль различьши.

Парок увидишь от его дыхання,
а на лице, уставом от тревог,
следы морщинки, словно оконячая
от мрана к свету пройденных дорог.

Смирн, мой друг, сомнения и вздох,
и выплывает к тебе издалека,
как маятник часов самой эпохи,
над толпалым взлетавшая рука.

Незримые возможности итота
тех, кто вокруг, и нерожденных —
нас,
он был вождем, на прежних
непохожих
и потому-то истинным как раз.

Он был вождем...
Как верба над рекою,
как та удрученная сямля,
нашептывать она стало о покое
мое второе маленькое кля.

Я оградились от дорожной пыли,
стал спасаться лавиза и пурги
так, словно дух мой
в чем-то потоскивал
в бою с отцом полегшие врагит;
так, словно жизнь помчалась
сторону
с моним настроением не в лад;
скажи никогда передо мной
не возниало стоящих преград.

Как будто ни меня брала озога,
одним броском выстреливая бой,
слепую амбразуру пулемета
в пылу прозрения заслонить собой.

Как будто в пору юности бедовой,
когда еще в тиски я не катал,
не под моей кувалдою пудовой
сворачивался в трубочку металл.

Я спрашивал...
И дошло ответа
возник в моем душевном тупике
бланичек на часах у кабинета,
застывший с пропусками на штыке.
Потом, передо мной, тесня заботы,
представил степи в равнине часа,
где заблю, как стволы занегаей роты,
поблескивали травы от росы.

А там уже иное шло на скаму:
ступени лестниц, где в угарный год
откачивались раненые к стенам,
чтобы доруку ружьицкя вперед;

чтобы мирок мой, сделавшийся
узким,
хлестнулся те же дали в нушней
срок —
любое состоявшееся устье
несет в себе бунтующий исток.

И, по почам откатиавшаяся глухо,
раздумий не тачишь взаперти,
я понял, кто тупость дуга
помог мне на распутье обрести.

Чей взгляд сказок мрак
прирученно и цепко
меня настиг из-под бессонных век.
В расстегнутом пальто и святой
кепке
казался мирным этот человек.

Но в бой влекло его простое ния.
Бурлящим днем или в ночную тишь
сплоскись, мой друг, над строками
моими —
и ты упрямый профиль различьши.

Парок увидишь от его дыхання,
а на лице, уставом от тревог,
следы морщинки, словно оконячая
от мрана к свету пройденных дорог.

Смирн, мой друг, сомнения и вздох,
и выплывает к тебе издалека,
как маятник часов самой эпохи,
над толпалым взлетавшая рука.

Незримые возможности итота
тех, кто вокруг, и нерожденных —
нас,
он был вождем, на прежних
непохожих
и потому-то истинным как раз.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит в декабре 1924 года
№ 3 (1001)
1969
ФЕВРАЛЬ

Наша обложка: известная эстрадная певица Людмила Чурская.
Фото М. МУРАЗОВА

Поэтическая книга «Сме-
ны» — «Ленин и мья»:
Владимир Савельев
«БАЛЛАДА О ВОЖДЕ».

«ДАР ЧЕЛОВЕКА». Поэт
Сергей Русинлов размыш-
ляет о русском народном
творчестве.

Репортаж В. Смирнова и
А. Лехмуса о курьерах
Севера — молодых води-
телей почтовых аэроспе-
ней.

Военный обозреватель
«Смены» адмирал
А. Т. Чабаненко: «УГРОЗА
ИЗ ГЛУБИНЫ».

Аркадий и Георгий Ваино-
ры. Повесть-антидетектив
«ДВОЕ СРЕДИ ЛЮДЕЙ».

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**БЕСЕДА С МИНИСТРОМ ВЫСШЕГО
И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
В. Н. СТОЛЕТОВЫМ
О ЗНАНИИ И О НРАВСТВЕННОСТИ
ПОЭМА ВЛАДИМИРА СЕРГЕЕВА
О ПОДВИГЕ ЗАЩИТНИКОВ БРЕСТА**

**ПОРТРЕТ-ИССЛЕДОВАНИЕ
О МОЛОДОМ ТОКАРЕ**

**РЕПОРТАЖ СПЕЦКОРА «СМЕНИ»
Е. МЕСЦЕВА
С БОРТА ПРОТИВОЛОДОЧНОГО
КРЕИСЕРА**

И. о. главного редактора А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замощкин,
Р. Ф. Казанова, П. К. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [отвествен-
ственный секретарь], Е. И. Рыбачков, Г. В. Семинский, С. С. Смирнов,
А. Б. Стуков [главный художник]

Художник-оформитель О. Теслер Технический редактор Н. Будина

**К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ**

**«Ленинiana-
69»**

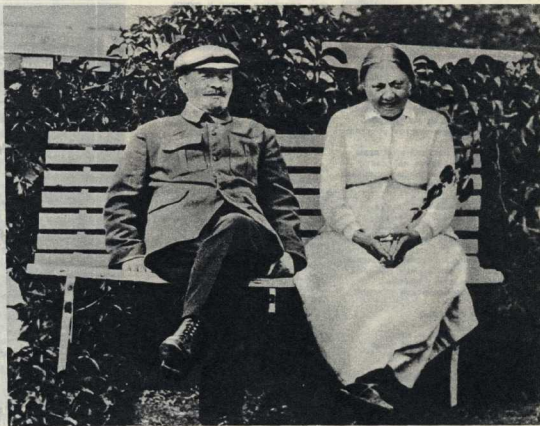
«Оглядываясь на путь, пройденный Надеждой Константиновной, на то огромное наследие, которое она нам оставила, хочется сказать, что ее светлый образ стойкого коммуниста-партияка должен быть сохранен для будущих поколений, — писал о дружбе и жизни В. И. Ленина Елена Стахова. И сегодня, в канун ленинского юбилея, в дни, когда исполняется 100 лет со дня рождения Надежды Константиновны Крупской, эти слова приобретают особый смысл.

Большая часть жизни Н. К. Крупской, видного педагога-марксиста, одного из организаторов народного просвещения в нашей стране, прошла рядом с Лениным. И именно потому ее огромное наследие бесценно. Оно ослепило внутреннюю световую лампочку мысли. В нем образ Ильича во всем его многообразии и многоцветии. Читая труды Крупской, мы полнее и шире представляем себе жизнь Ленина — человека и борца.

Сегодня мы публикуем ответы Надежды Константиновны на вопросы Института мозга. Крупская рассказывает о Ленине, кратко, но многогранно характеризует Ильича таким, каким она его знала.

Эти ответы войдут в первый том воспоминаний о Ленине, который выпускает в нынешнем году в свет Издательство политической литературы.

На снимке: В. И. Ленин
и Н. К. Крупская в Горках.
Луганск — сентябрь 1922 года.

“СМЕЛ И ОЛОНВАЖЕН”

Ответы Н. К. КРУПСКОЙ
на анкету
Института мозга (1935 г.)

Слабым не был, но был и особенно сильным. Физической работой не занимался. Вот разве на субботнике. Еще помню: починил изгородь, когда были в ссылке. На прогулках не очень быстро утомлялся. Был подкованной. Ходить предпочитал. Дома постоянно ходил по комнате, быстро из угла в угол, иногда на цыпочках «из угла в угол». Обдумывал что-нибудь. Почему на цыпочках? Дурачо, что отчасти, чтобы не беспокоит, в том числе в эмиграции, когда снимали комнату, не беспокоит и хозяев квартиры. Но это только отчасти.

Кроме того, наверное, еще и потому, что такой быстрой бесушной ходьбой на цыпочках создавался еще большая сосредоточенность. Лежать определенно не любил.

Сквозности в движениях не было. Движения не вытески, но они не были и резкими, угловатыми.

Ходил быстро. При ходьбе не поиначивался и руками особенно не размахивал.

Неуклюжим не был, скорее ловким. Беспорядочности и сутелности в движениях не было.

На ногах был очень тверд. Гимнастикой не занимался. Играл в городки. Плавать хорошо катался на коньках, любил кататься на велосипеде. В ссылке катался на коньках по реке, вдоль берега. На Волге ле-

ста не грибные, где он жил. Когда я приехала к нему в ссылку, мы часто ходили в лес по грибы. Глаза у него были хорошие, и когда он [быстро] научился искать и находить грибы, то искал с азартом. Был азартный грибник. Любил охоту с ружьем. Страшно любил ходить по лесу вообще.

Мастерством и ремеслом никакими не занимался, если не считать письма «хлебные». Одевался и раздевался быстро. Во время болезни он старался не отступать от одной и той же процедуры, именно для того, чтобы продолжать все быстро.

Излюбленные жесты и привычные движения — движение правой рукой во время речи вперед и вправо. Недавно видела изображение Ильича с правой рукой [во время речи]: предплечья вперед, но плечо прижато к туловищу — это неверно, так он не делал, — рука шла вперед, вытгивалась или закругленным движением и отходила от туловища.

Таких жестов, как бытие кулаком по столу или громкие выкрики, никогда не было.

Манирности, вычурности, странностей, театральности, рисовки в движениях не было.

Анимация и инстинктивная всегда были выражены. Стала определенно жоннее во время болезни. Улыбался очень часто. Улыбка хорошая, охидной и «везливой» она не была.

Ух, как ушел хотовать. До слез. Обрызгивал назад при хохоте.

Ник так называемой вежливой улыбки или смеха, натурности. Они были всегда очень естественны.

Говос был громкий, но не крикливый, грубой. Баритон. Плав. Репертуар: «Нас вешали не в церкви», «Я вас люблю, любил безмерно», «Зачем в твоей голове, Варяжанин», «Вставай, подымайся, рабочий народ», «Смело, творчески, в ногу», «Днем настал всеслыш мая», «Беснуется, тираны», «Vous avez pris Elzas et Lorraine», «Soldats de première».

Говорил быстро. Стенограммы плохо записывали. Может быть, и потому, и потому, что быстро, или не столько потому, а потому, что 1) стенограммы у нас были тогда плохие 2) конструкция фраз и у него была такая.

В сборнике «Нефь» есть статья, в которой автор, разбирая структуру речи Ильича, приходит к выводу, что конструкция речи (фраз) логична.

Ильич мне как-то говорил, что он в свое время очень увлекался латинским языком.

Говос выразительный, но монотонный. Особо выразительны и в отношении интонации были его звиченные rufe. Я их как сейчас слышу. Речь простая, не вычурная и не театральная, но было ни «естественной искусственно-чуждой» типа французской речи (как у Луиса Бруно, например), ни было и сухости, древности, монотонности типа английской — русская речь посредине между этими крайностями. И она была у Ильича такая — простая — типичная русская речь. Она была эмоционально насыщена, но не театральна, не надуманна; естественно эмоциональна. Модулирование не было штампованное образцовыми стереотипами.

Плавная и свободная. Слова и фразы подбирал свободно, не испытывая затруднений. Правда, он всегда очень тщательно готовился к выступлению, но, готовясь к выступлению, вникал в план речи, обдумывал содержание, мысли обдумывал.

Говорил всегда с увлечением — было ли то выступление или беседа. Бывало такое — он говорил на каком-то приеме, а потом — выступление, и тогда я, находясь в зале, обдумывал содержание, мысли обдумывал.

Говорил всегда с увлечением — было ли то выступление или беседа. Бывало такое — он говорил на каком-то приеме, а потом — выступление, и тогда я, находясь в зале, обдумывал содержание, мысли обдумывал.

«Лезет на живописную гору, а дуает со свистом в о горе, а о мильшевизме! [см. воспоминания Эссен [Зверь]].»

В этом же и беда была во время лозовых болезей. Когда врачи запретили чтение и вообще работу. Думаю, что это неправда, потому что тогда я тоже не говорил, но он же (я в сак) не могут запретить мне думать».

Потребность высказаться, высказать у него была всегда очень яркая.

Говос выдал из себя три типа слов, фраз и оборотов или непонимания смысла и значения слов беседы не было. Наоборот, необычайно быстро улавливал смысл и значение. Его замысел — часто одним словом, одной фразой.

Дома, если какой-либо вопрос его сильно волновал, всегда говорил шепотком.

Очень бодрый, стойкий и выдержанный человек был. Отнимал.

В работе был — сама выдержка и бодрость. Во время болезней был случай, когда в присутствии медсестры я ему говорил, что вот, видишь, знаешь, восстанавливается, только медленно. Смотря на это, как на временное пребывание в тюрьме. Медсестра говорит: «Ну, какая же тюрьма, что вы говорите, Надежда Константиновна!»

Ильич писал: после этого разговора он стал определенно больше себя держать в руках.

Любил налевать и высвистывать.

Писал unusually быстро — с сокращениями. Писал с необыкновенной быстротой, много и

охотно. И докладал всегда записывая мысль и план речи. Записывал на докладах мысли и речи докладчика и ораторов. В эти записки всегда записывалось обычно сжато, иногда не пропускаю.

Почерк становился более четким, когда писал что-либо (в письмах, например), что его особенно интересовало и волновало. Довольно. Сокращения букв (гласных часто) и слогов практиковал очень часто, в целях ускорения письма.

Рисовал писал всегда сразу набело. Помню одно очень мало.

Преобладающая устная или письменной речи не было. По-моему, я и другие были сильны в плавности. Легко и свободно и писал, и говорил.

Статистические таблицы, цифры, выписки писал всегда очень аккуратно четко, с особой старательностью. — Это соборники, выписки как охотно, всегда и цифрами, и кривыми, и диаграммами, но никогда не диаграммами изобразительными (в виде рисунков).

Статистическую графику использовал широко, чертежи сам и очень четко.

Никик и никогда ничего не рисовал. Читал чрезвычайно охотно. Читал про себя. Всплун ни я, ему, ни он мне никогда ничего не говорил, выдел этого у нас не было: это же мне сильно замедляет.

Шепотом при чтении иногда говорил, что думаю в связи с чтением.

Врать выдел охотно. Оим с малой [моей] часто соревновался в этом деле.

Глазомер у него был хороший — стрелял хорошо и в горюди играл недурно.

Взгляд и оттенки различал очень хорошо и правильно.

Зрительная память прекрасная. Лица, страницы, строки запоминал очень хорошо. Хорошо удерживал в памяти и надолго виденное и забытое зрительно.

Умало любил природу. Любил горы, леса и заводы солнца. Очень ценил и любил цветники и краски. На свое одеяло любил вышить и вышить мало. Думаю, что цвет его галстука был ему безразличен. Да и к галстуку относился как к неудобной необходимости.

Хорошо слышал на оба уха. Хорошо слышал и слышал речь. Ориентировался в незнамой местности хорошо. Расстояние и направление по слуху тоже определял хорошо.

Очень хорошо запомнил и очень хорошо держивал в памяти слышанное. Передавал всегда точно, уверенно и свободно. Думаю, что зрительная и слуховая память у него были приблизительно равны по степени развития.

Во время подготовки к выступлению и вообще занимался любил подерживания, пометки, выписки и конспекты и прибегал и ним часто и много. Он не часто был коротким и вырванным. Но во время чтения шепотком говорил лишь по поводу читаемого. Шепотком говорил свою статью. Слушать, как другой читает, — это у нас не было в заводе.

Очень любил слушать музыку. Слушал серьезно, внимательно, охотно. Если вспоминали группы рабочих, посетивших его после болезни. Он пишет, что Ильич говорил с ним. В

Очень любил слушать музыку. Но страшно уставал при этом. Слушал серьезно. Очень любил Вагнера. Как правило, уходил после первого действия как большой.

Шушу, вообще не любил (я говорю не о шуме людской улицы, толпы, большого города). Но вот в квартире не любил шушу.

Музыкант. Музыкант палача, хораша. Запоминал хорошо, но не то чтобы очень быстро. Больше всего любил скрипку. Любил плаванию. Абсолютный незнах. Не знаю, Насчет вынора тоже не знаю. Рух! Ноты! Могу ли читать. Не знаю.

Оперу любил больше балета.

Любил сонату «Патетическую» и «Аппассионату».

Любил песню торедора. Охотно ходил в Париже в концерты. Но всего этого было мало в нашей жизни. Театр очень любил — всегда это производило на него сильное впечатление.

В Швейцарии ним ходили с ним на «Живой труп».

Высоты не боялся — в горах ходил «по слома кура». Быстро еду любил.

Под разговор писать не мог (не любил), ну, была такая особенность.

Довольно покорно ел все, что дадут. Некоторое время ел каждая день похоти. Оим с Иннокентием находили, что очень вкусно.

В молодости, конечно, но инновид сплюсности и я ним вообще и к сосисам не было.

В комнате не выносил садовых цветов. Но любил в комнате полевые цветы и зелень. Очень любил весенние заплах. Садовых цветов и особенно с сильным запахом избегал.

Помню, я его заставляла за таким занятием: подливала в 1922 году теплую воду в кувшин, в котором мы поставили ветки с набубающим почками (бесной день было).

Отнимал. В Сибири и во Франции он был вообще гораздо иранее. Страдал страшным бессонницей. Утра и него всегда были плохое настроение и засыпание. В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции я жил шворотно-наемором. Поздние разговоры и споры до ночи (не собираю и зарплате).

Воложанка в старинном costume

4 СМЕНА

Красота родной земли

ДАР ЧЕЛОВЕКА

Сергей ВИКУЛОВ

Николай ШИЛОВ

(фото)

Пришла зима и вышла своей узор.

Звонко по снежному полюю, в легких кованых санках, несется парочка, когда один только хвост торчит из дорожки, поймав да перелесками, подыезжая к незнакомому деревушке, привольно раскинувшись на белом-белом, изгородочке, посверкивающим молочною искрами под невысоким зимним солнцем.

На самом овражке деревни, справа от дорожки, мужики рубят избу, соря витарными щепками в белый снег.

А слева, подсвеченная солнцем и оттого чуть-чуть розоватая, стоит заурчавевшая на безветрии березка. Кружевной наряд ее так нежен, так воздушно новосом, что невольно думаешь: ударь сейчас кто-нибудь из плотников посильнее — и дрогнет она от того удара, совсем незаметно дрогнет, а кружево опадет, красота исчезнет.

Сравнил я наряд зимней березки с кружевом и варту подумал: а ведь обидел березку-то! Ведь раньше все-таки была она — зимняя береза, а потом уж кружево.

Сколько веков пролетело с тех пор, как что-то восхищенное и надо думать, любящее сердце впервые попыталось воссоздать из белых ниток неопишущую красоту заурчавевшей на морозном безветрии березки. Изумительные кружева научились плести с тех пор вологжаночки — землячки мои, заставляя ахать самые избалованные модницы на парижских и иных выставках, но все равно саму природу превзойти не смогли. Вече-

«Варьяна» — изделие вологодского кружевного объединения «Снежинка».

Великий Устюг.

*Резьба по дереву, кружева, амшники,
берестяные тусски — все это
свидетельство таланта и волеи
мастеров, украшающих
свою жизнь искусством.*

ный источник для вдохновения, она по-прежнему остается для них недосягаемым идеалом.

Умение восхищаться совершенством природы — для художника — естественно. Оно проглядывает уже в первых наскальных рисунках пещерных людей, в которых удаиваются жадно схваченная стремительность бегущего зверя и полнота наготовившегося метнуть копьё человека...

Но оставая в стороне наскальные рисунки. Вглядываясь в красноречивые летушки, вышитые из домотканых льняных полотенец. Счастье они так дружно склеивает сюда, грудасть? Неужели не нашлось птиц поблагоденнее? Задаю а себе эти вопросы, а перед глазами встают...

Раннее-раннее утро. Солнце, еще морозец от воды, вальничко кружится над лесом. В злоте инг на него поглядеть даже можно — разогорелось... А по дереву, из ионца в ионца, разнесется заливистое и разноголосное пение летушек-раюшатак. И канюки им пригласят — не просто слыть хочет — попарасовать желают, взлететь как можно выше, на повянушку, хлопнуть крыльями по галнице и гаркнуть на всю известную, дабы владыки проче забавили и скланились: есть порох в порохоничах!

Да, раюшка, волнуешь, радостно для деревянного человека это утреннее «мушкетеру». Момент бить, это оттого, что оно сползает уже утренней бодрости и свежести, правдушине добрых дел в наступающем дне...

Об этом яна думала та молодичка, что первой догадалась вышить на полотене, правдошаченное для Суворова, именно летушек! Пусть, вою, поет душа пахана, тогда он, оплохнувши или холодною, утнетися лицом в малянные грешники.

Я люблю бывать в тихих районных музеях. Разглядываешь в одиночестве ряды резных да расписных прилонов, расшитых полотенеч, затейливых кружев — и невольно думаешь: Матушка-природа, со дня творения поубаюдавала человека и украшала быта по образу своему и подобию, тем самым совершенствовала, облагораживала и самого его, приобщая к творчеству.

Широко известно прилате выразительная любовь отточила карандаш перого художника. Я думаю, что тут имеется в виду не только любовь человека к человеку — да, конечно, но вместе с тем и любовь человека и природе — природотельнице своей.

Смотрись сейчас на томчащего затора свириную, например, выразительную да дотопопий прилоно, и думаешь: нет, только любовь и избирательные средства безбашенной мастерицы а и всей осторот перед сим творением природы.

Тот же восторг, а момент, и благоговение перед природой, подражание крестьянскому белоглазому работнику и верного друга — коюя, всколыхнувши однажды его душу и родили озорное мидание увенчать свое мидание его изображением. И в Вологодчине, особенно в деревнях Тарногорского района, и да сих пор неважно жб с юномом на крыше. Увидя их, сандачцы, а не мог не написта стизия:

Из кондовок брелен изба,
Ибо — по карнизу резьба.
И конь дерзавший на крыше
С подражанью челою у ша.

Точная суть дугот.
И вкраю земля под ногою!
Снистят в нагнорские ушн
Рабочийчын петер дугот.

Два ската — два черных крыла,
Размах — от угла до угла...
О нет, не стоит он на месте —
Летит, завесив удуля.

Вавилон на боку облака,
Ан, нет, Нослим, оказывається, и сарафаны, и вышитые поше с ивстиния, и веринята, и монюшонин, и борушун...
Кюя у иуго из старых женичи красота эта а до сих пор покочит на домыных сумдуках. Не мадавалю. Не принто.

Все это — и юномы на крышах, и резные наличники, и дуги расплески, и гвинные итушки, и бижестные тунцы, и мороз по несту, и черны по серебру, и, наконец, кружева, и вышиваны — все это свидетельство талантливости народа, его наклонности к поэтическому восприятию и осмыслению природы.

И осмысление, многое из перечисленного выше можно увидеть только в музеях да в маленьких любительч. Что же случилось? Душа народа по потребности во всем этом не стало, спрес приривастся?

Ничего подобного. Все объясняется значительно проще. В век автоматизации и искусственных материалов стало слишком легкой и просто штамповать подделку под народные образцы. И кто-то, прельстившись этой легкостью, решительно захватили эшери перед народными умельцами, и те-

перь, куда бы вы ни приехали — в Вологду ли, в Баюу, — с полон сувенирных магазинов, смотрит нас один и те же прилизанные вышине-иные. Самые красивые слюноны да ишичин-сестричын... Броды бы и хорощи они, и при и галне, и дугот не грешот! Потому наик не чувствуются за ишичин изобретательности, озорной ишичичу ишичего человека.

Мне думается, стоит нас все-таки вспомнить, что умели деды наши и прадеды, и попытаться научиться их умению. И тогда не будет столь грустно современнику, впервые приехавшему в Вологду, например, и ничтожно-просто черны по серебру да кружева с сувенирным магазином, не обнаружившему. Хороши они, кружева, слоуны нет! И черны по серебру — тоже. А гости вглядят «ей бересты бы, что ишичубу!»... Или хотя бы лалоточини.

Нет лалоточини у нас о наков-либо другом предмете русского национального костюма и говорить не приходится. Забыли давнее-давню. Это нам не Ташкент и не Фрунзе, где хоть национальный головной убор купити можно. Ишичине русские вологодчичин, наверно, уверены, что, кроме шивини-оубун, русские красавцы отродья ишичего другого, и не нашиваны. Ан, нет. Нослим, оказывається, и сарафаны, и вышитые поше с ивстиния, и веринята, и монюшонин, и борушун... Кюя у иуго из старых женичи красота эта а до сих пор покочит на домыных сумдуках. Не мадавалю. Не принто.

Я не против костюма, шитого по последней парижской моде. Но в дни торжества по моему бы и национальным костюмом блеснулы Иля уж мы и впрямь Иваны, не помнящие родства! Тот, кто присутствовал на торжественном пленуме посвященном 30-летию Ленинского комсомола, помнит, как приятно, радостно, словно несомненно распустились цветы, выглядывая в одностороннюю пидкачюю теплая, залпощившая просторные фюры Дворца съездов, юномы и девчуны в Уздбеских, грузинских, таджикских, гучуцких и других национальных одеждах пришли во Дворец съездов в великом изобилии гостей, приглашенные на наши торжества. И я думаю: нашой прерасасовый слувал вочию ишичогонациональное братство Советской Молодежи!

Особо хочется сказать о памятниках творчества народа, о камчатных и частично деревянных страни-

цах его многовековой Истории. Мы, наследники удающихся поколений, ишичи не должны забывать, ишичи нам уютно — восхищаться ими, изобретать, вглядеть в развощенное, но собирать эти странички о б о л а з а и в. дабы не ошутиться в глупую старость. Ишичи в глупых ишичиных а музей, ишичиный малянуны бы.

Имонументальное творчество народа наиболее ярко проявилось в строительстве церквей, храмов и монастырей, являвшихся одновременно и крепостями. Тем кто дано, а в том ишичиному делу (краям воздвигнуть — не приду расписался!), сполнотворности и красоте и благолепию, мастера брады в союзники опать же природу. Ишичино дичится только их умению вписывать, как мы теперь говорим, свои творения в окружающую пейзажи. Вспомните хотя бы церковь в селе Ковалевошвом юго Москвит. Или деревню чюда в Ишичах. Едини тамера да тридцать земель, чтобы поглядеть. А сколько красоты, подбавив нам еще не открыто! Назову хотя бы село Тарногорское юго Москвит, и Ферапонтов монастыри — один на берегу Сиверского, другой — Бородянского озер. Заметили, на берегу... Обязательство на берегу! А то я на остров, посреди озера — тамин был у меня на родине Новоозерский монастырь, и осмысленно, ныне разрушенный. По расписанная матерн, белым лебедя лоплы дни над озером в тихую погоду, выходя стемнями вилы из воды, и неюкомомо далеко летели его колокольные звоны.

Мы знаем, чувствуют ли угрызения совести люди, рущившие эту дичную, склочную красоту... Наверно, нет! Подумавши, дескать, Новоозерский монастырь! У черта на мушичах, а в окружении лалотных деревьев... Не Исчланисти собор, но Ишичон случае... Но в том-то и дело, что для нашего края он был своим Исчланистившим. Ведь достойно восхищения уже одно то, что он тут, среди озера, безо всякой техники, одними руками воздвигнут был, и его, как станицы, из «Сказки о полтну Игоревиче» выразышит из Ишичи истории России быть нешья.

Вспоме моею помнение приходит в ойшюной правды и отшын димо. И если оно прихлдит с третитым, благоговением, светлым отношением не нему, что оно дастало в этом дого, то можно быт уверенным, что у него хватит таланта и сил придать и тому, что было и домо, нечто свое и в высочин сознанием исполненного дугот, чтобы вверять краску земную своим сыновьям.

Повесть Николая Мирошниченко «Суровая пажать», отрывок из которой мы предлагаем вниманию наших читателей, посвящена комсомолу, нашей молодежи, проблемам морального и нравственного становления послевоенного поколения.

Люди и события, описываемые в повести, взяты из жизни. Герой ее Андрей Глаубовс (фамилия его несколько изменена), прошедший путь от комсора до первого секретаря краевой комсомольской организации, является реальным человеком. Многолетняя дружба с этим человеком и побуждает автора писать за него.

Эта повесть о нашей молодежи, оставшей в зрелом комсомоле по зову сердца, по своим убеждениям, пройдя через суровую школу жизни, и о тех, кто вступил в него случайно, рабы карьеры.

1.

Выйдя на улицу, Андрей Глаубовс размясисто шагом направился было в поселок, но по дороге раздумал и повернул к морю. Присмиривший пасмурный январский январский мороз, чтобы встать и подкормить хотя бы у берегов под тонким покрывалом льда, но морями обходили Апперсонский полуостров стороной. Свежий ветерок рябил морскую гладь.

Андрей брел по округлой, пологой кромке берега, обдумывая то, что отключилось в нем за время близкой жизни на полуострове.

Одно толстое столкновение с главным инженером Гуровым чего стоило! Хотя сейчас Гуров и притих, но он никому еще не прощад обиды. Не такой он человек. Крепко на земле стоишь, а дело свое знает и того крепче. Рабочий людь его уважает, хотя и недолюбливает, у Андрея к нему тоже двоякое чувство. То, что Гуров родом из монтажников, и знает строительное дело, вымалывал у Андрея уважение. И по пади он на эту стройку раньше, до встречи с Курановым, он бы встал на сторону Гурова.

Гуров многое приносил в жертву конечной цели. Лишь бы стройка шла полным ходом. А то, что люди второй год живут в деревянных палатках, что у них нет хорошей столовой, негры выматывались после работы, что они в свободное время пьют и играют в карты, — это главного инженера словно бы не касалось. Он отвечал за план. Слово «аврал» он проносил почти всегда, когда надо было поднять комсомольцев и молодежь на решительный штурм, чтобы «выарать» месячный, кварталный или годовой план...

Поняв бы главного инженера Глаубовс — и был бы ему хорошим помощником. Но Андрей почти год ходил под началом Куранова. У того тоже был крутой нрав и заслуг не меньше, чем у Гурова, но было и другое. Куранов в любом деле — и в строительном. Диверсионного мотостангитана и в монтаже временок черта какому-нибудь перекосному речунку — считал главным заботу о людях. Не мог Глаубовс забыть курановских уроков.

Вот и змубтовал Андрей сперва свое звание, которое Гуров самолучно сполотил для него (больно приключились ему смекалостный паренек), а затем и всех комсомольцев против непорядков на стройке. Смекалостный главный инженер назвал Глаубовса после случая на стройчествстве алюминевого завода. В бригаду, в которую входило звено Выгрова, монтировалась выхлопная трубу. Командовал бригадой Лешка Орлов.

Выхлопную семидесятиграммовую трубу надо было в короткий срок поставить на основание. Поручив монтаж Гурову, Гуров почти каждый день навещался в бригаду, справлялся, как идет дела. Смонтировав первые тридцать восемь метров на земле, бригада поставила эту часть на основание. После этого стали наращивать трубу. Работа подвигалась медленно: к шестиметровой секции приварили два специальных ушка, в них пропускался трос, потом делали узлы и концы зажимали; две электробедеки через отводные блоки поднимали секцию на верхоу, а там монтажники ставили ее на место и заваривали болтами. Работать на уремьих лесах, опирающихся на трубу, было неудобно, от малейшего ветра она раскачивалась. У монтажников замирало сердце, кружились голова.

На пятидесятиметровой высоте страдася беда. Когда подняли и стали устанавливать отвередную секцию, то обнаружилось, что отверстия на стыках не совпадают. Монтажники попробовали навести отверстия при помощи мониторов и конусных оправок, но на этого ничего не вышло. Тогда Орлов сказал ребатам, стоящим на земле у лебедок, чтобы они чуть-чуть приподняли секцию (надо было как-то развернуть ее). Правая лебедка сработала, а левая не включилась. Секция зависла на одном блоке.

— Ты что там, аэмул?! — крикнул Орлов наизу у левой лебедки. — Дай чуть-чуть вниз!

— Вазло, — растерянно отговаривал паренек. — Не включается. Орлов попросил другого лебедчика спустить секцию и бебежал по лестнице вниз, чтобы проверить левую лебедку. Но в то самое время, когда секция почти уже встала на место, заработала левая лебедка; секция резко завалилась на другой блок, повисла какое-то мгновение; ушка не выдержали и она с грохотом врезалась в торцы трубы. Верхняя часть секции подперевалась на правую ушку, которое тоже могло отломиться, и тогда беда не избежалась.

— Всем вниз! — крикнул инженер по технике безопасности и добавил: — Подождем Гурова. Без него я не дам разрешения продолжать работу.

ВЫЖИТЬ

Гуров появился на площадке нескладно. Обойдя вокруг трубы, он подошел к монтажникам.

— Ждете? — спросил он у Орлова. — Думаете, она сама на место встанет?

— Я хочу подтянуть, — сказал Орлов, — а он не пускает.

— И правильно делает. — Гуров взглянул на инженера, потом уставился на Орлова. — Как ты хочешь подтянуть?

— По лестнице. Как же еще?

— Глупо. — Гуров обвел взглядом притихших монтажников. — У кого есть другие предложения?

Андрей впервые так близко видел главного инженера стройки. Маленький, податый, с трогательной сепой лицом, он, широко расставив ноги, стоял перед бригадой и ждал. Один говорил, что надо попробовать то, что сделать лебедкой, может, ушко и выдержит. Другие вымывались добровольно выбедать по лестнице и обхватить секцию стопом.

У нас с Костей Мазовым такое соображение. — Андрей подошел поближе к Гурову. — Надо взять две балки из-под растропы, посадить туда монтажников и левой лебедкой подтять их на верхоу. Секция свисает на правую сторону, на лестницу, а мы поднимемся по левой стороне. Если они и сорвется, пока мы будем подниматься, то все равно нас не заденет. Сначала секцию обхватить тросом, а потом приварить новое ушко. Мазов — хороший сварщик, он это сделает. А чтобы технику безопасности не нарушить, пускать ребята подстрахуют нас веревкой. И ветер болтать меньше будет, и риска никакого...

— Ну чего стоим? — прикрикнул Гуров на Орлова. — Что я, за тебя буду подтягивать? Черт знает что, грек пораскварит и довет ворон. Скоро стемнеет. А как тебя зовут? — повернулся он к Глаубовсу. — Фамилия?

— Глаубовс, Андрей Глаубовс. А его, — указал Андрей в сторону Кости, — Костя Мазов.

— Смекалостный ты паренек, Глаубовс, — улыбнулся ему Гуров. — Я запомню твою фамилию. Гледи, не сорвись, а то бригада без головы останется...

— У Гуров, сев в машину, утакал.

На высоте примерно тридцати метров Коста тронул Андрюша за руку и молча показал на море. Там, во всю ширь далеко отодвинувшегося горизонта к берегу, дигталась темно-лиловая полоса выдыбленной ветром воды. Море, насколько хватало глаза, было уже покрыто белыми гребешками волн.

— Я уже чую его дыхание, — бдленед, сказал Кости. — Успеем?

— Обойдется, — сурово проговорил Глаубовс. — По мне лучше сорваться с высоты, чем подставлять свою физиономию под плавни. Не трус, — Кости.

А потом взглянул направо. За ними наблюдал сам Иннокентий Захарович Гуров. Он-то в монтажном деле собака слонял.

Гуров, помотивавшись на своей старой легковушке по стройке, не вытерпев, решил сам посмотреть, как ребята будут исправлять ошибку Орлова. И, чтобы не скрывать инциденту бригады, он завернул за угол недостроенного цеха, вышел на машины и стал наблюдать.

Когда ребята подобрались к секции, Гуров запрокинул голову и, не отводя глаз, внимательно наблюдал за каждым из движений. Первые волны ветра налетели на трубу неожиданно, она утробно застонала, распалась утробно хватувшись, но выдержала валор. Гуров стоял как вкопанный и напряженно следил за двумя крохотными фигурами, которые, водворя на место секцию, уже на лестнице были заступлены ветром. «Черт знает что...» — неопределенно проворчал главный инженер, потом сам шлепнул, ветер платком вмякнул себе и усталю, будто только что сам спустился с высоты на землю, побрел и машины.

2.

Гуров не избежал «смекалостного паренка». Через неделю Глаубовса назначили звеньевым. Потом по приказу главного инженера молодежное звено выделены в самостоятельный коллектив и стали перебарывать его с участием на участках, в основном зуда, где горели с главным или намечалась оставление от трафика. Как-то после работы Андрей заглянул в кабинет главного инженера. Тот был один. Решив, что Андрей пришел его благодарить за выделение, Гуров покровительственно улыбнулся, предложил папиросу. Но Глаубовс заговорил о другом.

— У нас, Иннокентий Захарович, завтра комсомольское собрание. Правда, меня никто не уполномочивал... — Андрей запнулся, но продолжал: — У молодежи обид много накопилось. Может, правде, послушайте. А взлодио и о стройке нам расскажете... Всем, наверно, будет интересно знать, как идет дела на других участках.

Гуров поморщился: «Вон ты чего захотел!» Он был явно недо доволен и даже раздражен. «Не успея опираться, а уже самостоятельность про являет. Тоже мне радеться выскалась!»

— Так что мне передать ребятам? — спросил Андрей, пятясь к д вери, будто измерял сейчас же выйти из кабинета.

— Позволь мне, Глобусов, денечко дельце подумать над твоим пред ложением, — с издевкой в голосе проговорил Гуров. — А хлопотна пер едай: пуская обид побольше накапливают.

— Хорошо, — сдержанно сказал Андрей. — Вы думайте, а мы тем временем готовим объявление.

Не успел Глобусов закрыть дверь, как Гуров позвонил в комитет

комсомола Храмову и устроил секретарю разос.

— Ты у нас кто? — кричала в трубку Гуров. — Секретарь или курица-наседка? Пока ты там высказываешь свои решения да постановления, тот Глобусов агитирует молодежь на собрание. У меня и так отбой от этих торпачиков нет. А если их собрать вместе? Да они нас с тобой в порошок сотрут. Яйцами тухлыми закидают. И будут правы.

Отчитав Храмова за бездеятельность, Гуров встал, прошлепав взад-вперед по кабинету, снова уселся за стол, склонился над чертежами. «Комитет без вашего согласия, Иннокентий Захарович, не заплагирует ни одной встречи. Мы понимаем, как вы заняты...» — вспомнил ему разговор с Храмовым. «Утешил», — злился Гуров. — Комитет заплагирует, комитет не заплагирует. Черт знает что! А этот вариант явился, и пелать ему на пламя комитета... Как он меня, а? Вот тебе и смека ластый паренек!»

Гуров чувствовал, что на рабочий лад ему теперь уже не настроит ся. Он нудел свой комсомовский, еще со времен войны, плащ, нахло бучил старую фетровую шляпу и вышел на улицу. Выставя хольба немного успокоил его. Подойдя к своему вагончику, одиноко приту лившемуся на самой окраине заводского поселка, он еще постоял, с гор достью вглядываясь в голубые всполохи электросварки: стройка жила и ночью.

В вагончике было холодно, пахло консервами и отсыревшей дре севкой. Расстопив чутушку, он достал из чемодана пухляк, с поместе нными от времени листами альбом, присел у огня и стал неспешно разглядывать фотографии. С тех пор, как он овдовел, это было его лю бимым занятием. Оно отвлекало от повседневных забот, согревало душу.

Перевернув два-три листа, Гуров задержал взгляд на выцветшей фотокарточке: выхристый паренек с небрежно перекинутым через плечо

монгачным поясом будто подмигивал ему. «Неужели я когда-то был вот таким обдолбумом?» — удивился он. И снова почему-то вспомнился Глобусов, длинный, худой, гаваястый паренек.

«Что он у меня в голову застрял? Расстривай душу, будто за боль шой зуб дернул. Неужели поучулся». Старик. Когда-то и тоже не боял ся врываться к начальству в кабинеты. Давно это было. Теперь осторожнич аю. Думал, что на всю жизнь хватят рабочей записки. Значит, не хватило. За кресло держусь. А то заглянуть бы к министру и запро сто высказать ему свои обиды... И все же парнишку я напрасно выстав ил из кабинета».

На следующий день в обеденный перерыв шофер, как всегда, осторожно наемкнул главному инженеру, что пора бы малость подкасуить, и, не дожидаясь согласия, подурлил к столовой. Гуров еще издали уви дел, что у входа висит какое-то объявление, ослыко него уже собрались рабочие. Когда Иннокентий Захарович приблизился настолько, что даже без очков мог отчетливо читать на большом куске матиана красивые буквы, у него вдруг заребило в глазах, лицо побаторело, и он приказал шоферу:

— В управление!

На дверях управления висело точно такое же объявление, а фамилия «Гуров» была выделена крупными буквами и подчеркнута двумя жир ными линиями. Выдержка отказала Иннокентию Захаровичу. Сорвав объявление, он быстро заглянул по длинному коридору в свою приемную и неослабно столкнулся лицом к лицу с Глобузовым. Оба какое-то мгновение растерянно молчали.

— Твоя проделка? — тяжело дыша, тихо, с каким-то зловещим ши пением спросил Гуров.

Андрей взглянул на вагративающий в руках Иннокентия Захаровича лист матиана и виновато улыбнулся:

— Напа.

Гуров только сейчас заметил, что за спиной Глобусова стояло и си дело человек десять молодых рабочих.

— Кто тебе дал право вмешивать сюда мою фамилию? Я тебя за это самовольство... Можешь считать, что тебя на стройке уже нет. А вам, — он оттолкнул в сторону Глобусова и накиннулся на ребят, — а объявлю по строгому выговору. За самовольный уход с производства, за групповишну. Марш сейчас же на работу!

Никто не шевельнулся.

— Ты что, олоух? — крикнул Гуров на Андрея. — Отвечай: кто дал тебе такое право?

Рисуюн Г. НОВОЖИЛОВА

— Вы, Иннокентий Захарович,— вздохнул Глаубов.

— И?

— Вы в прошлый раз попросили у меня десять дней на обдумывание.

— И ты тебя попросил? — удивленно перебил его Гуров. — Черт знает что, ты Гуров!

— Мы с вами договорились,— невозмутимо продолжал Андрей,— что вы будете у меня, а я буду сидеть дома... —

— Я тебе свое согласие давал? — снова перебил Андрей Гуров.

— Не давал, но и не отказался...

— А ты, Глаубов, порядочный человек! — Гуров уставо опустился на стул, смерил рабочими взглядами работников. — Поймай инженера нижегорода на самодельный крючок и радуешься! — Иннокентий Захарович хотел было снова разволноваться, но злость куда-то пропала. — Свинту для чего привез? Выпился, что вы штаны с себя спусти?

— Нет,— ответил за Андрея Кости Мазов, — он боится, что вы откажетесь.

— А кто тебе сказал, что я согласен? В приемной слова стало тихо.

— Ну, мы пойдем,— нерешительно проговорил Андрей.— А то и правды можно от вас ожидать.

— Ты этих прокламаций много понаписал? — спросил Гуров.

— Хватило на все участки,— деловито сказал Глаубов.

— Тем хуже для тебя.— Гуров тяжело вздохнул, нахмурился.—

Ступает.

Когда ребята вышли из приемной, Гуров вдруг вспомнил о телеграмме, полученной еще утром: заместитель министра вызвал его в Москву, чтобы, может быть, в последний раз выслушать, почему срывается план. «А он считает меня всемогущим, сидит за столом секретаря, с большим дулом комсомольской стрелы!» Иннокентий Захарович,— Захаров! — все живут в общештабах. Что же я ни скажу! Да и какая практическая польза будет от моего доклада? Пожаловаться на свою жалкую участь? Вот, мол, четвертый месяц тынжу людям за начальника стройки и за главного техника. Не жаловаться, не жаловаться! И зачем выкладывать? Надо было выставить с треском этого зарвавшегося мальчишку. Чтобы другим не повадно было... Теперь уже поздно».

3.

Собрание проходило под открытым небом — место указал сам Гуров. Оно было удобно не только для сбора людей, но и для докладчика. Сидя в президиуме на грузовой машине со спущенными бортами, он, подобно секретарю, вел работу. Команда Храмов захватывала повестку, доклад не на людей, а поверх их, туда, где справа и слева и даже за спиной собравшихся тянулись в небо леса новострой — будущих заводо-фиантов.

Андрей тоже приглашен в президиум, опять-таки не без подсказки Гурова, пригласил как одного из лучших специалистов и инициатора собрания. Волею изобретенной пытки для своего молодого противника Гуров, видимо, придумать не мог. Выставив его напоказ всему народу, главный инженер на том не успокоился, говоря о другом, он особо выдвинул имена молодых строителей Иннокентий Захарович, Захаров! — «Давид, Иннокентий Захарович, страйся,— сказал Глаубов.— Я тоже в долгу не останусь. Вы не так задлабываете. Мягко стелеша, а спать все равно холодно и жестко. И Храмова не списать. Ребята ему докладывают правду. Если критика пойдет вперед, то из него, может, и выйдет толковый секретарь. А мне он, наверное, за это собрание сточка влетит. Ну и черт с ним. Перехажу. Зато ребята сразу свою поучувствуют. Теперь с нашим мнением доброй начальник будет считаться... А что, если ребята не поддержат? Гуров своим выступлением выведет у них все комсыр». С виду тактично неуловчив, а шпирити как заправский оратор. Он же нас всех заговорит...»

Глаубову вдруг показало, что Гуров похож на айберг — малый род главного инженера общабин: две его трети скрыты от тела. Он говорил много и долго, и говорил громко, слыла ценой, и намерял, что временные трудности будут в ближайшее время преодолены, смелисты мажанами рисовал будущее социалистического города Ступината.

Каждый проектный вагон дель когда-нибудь станет легкой.— Гуров широко выставил ноги, ступая перед молодежью крикнул, и раздались горячительные.— Вы о них будете вспоминать с такой же гордостью, как вышло отцы вспоминают о Манинте, Комсомольске-на-Амуре, Днепроросе...

Андрей не мог оторвать от Гурова глаз, он жадно слушал и вполднявал вместе со всеми.

— Как только закончим первую очередь стана «250», — продолжал Гуров, — так сразу придем за жильем. А все эти драмные палатки и прикраску свалить в одну кучу, облить солярикой и сечь...»

Все, что выступал вперед за Гурова, провора, мастера, бригадир, — подлила масла в огонь. А в президиум все шли записки, список желающих выступить рос, но Храмов почему-то не предоставлял слова комсомольцам. Андрей выжидательно, все больше отключаясь от обстановки, ждал выступления стасов парфосов, говорил о нормах на работе на стройке, так воспеивал драмные палатки, что желать после этого чего-нибудь другого — значило признать себя малодушным хлюпиком. Глаубов передал Храмову записку: «Немедленно дай слово мне лично, и забудь о комсомольцах!»

Собрание-то комсомольское». Храмов, прочитав записку, показав ее Гурову, тот что-то шепнул ему на ухо, и оба они улыбнулись. «Что же он делает? — ядился Андрей.— Опять обманул прораба. Этот, наверно, тоже будет звать заговорничать...» Постепенно Андрей стало казаться, что Храмов и Гуров выслушали его, стасов парфосов говорили о нормах, уяснились еще больше, когда Храмов, посоветовавшись с Гуровым, передал Глаубову ответ: «Я представляю ситуацию в порядке поступления записок. За это голосовали все. Ты будешь выступать двадцать первым».

Когда наконец очередь дошла до Андрея, он хотел было отказаться; в нем все уже перерегло, но, вспомнив, что является организатором собрания, решительно встал.

«Внимательно слушала мое выступление, — повернувшись к Гурову, заговорил Андрей.— И в ялохон был не меньше душой. Хорошо вы о будущем сказали. О нас, молоток, тоже здорово. Пошаему вышло, что каждому из нас уже оказалось местечко в музее.— Легкий смех, легкий взгляд.— Гуров, вы так же, как и я, будете работать.— Тут-то и выявляется, что вы не знаете нашей сегодняшней жизни. Омечка у вас вышла. Хотя ваш вагончик стоит рядом с поселком, но к нам, молодым, сильным, гордым, как вы нас называли, вы ни разу не подошли. Снова пригласительный смехок раздался среди строителей.— Не так уж мы далеки, как вы думаете. И войду я, и войду я, и в карты до утра режемся, и на работу, бывает, не выходим...»

— Товарищ Глаубов,— прервал Андрея Храмов,— вы на все молодечество не наводите. Если вы пьете, нечего указывать на других.

— Давай, Андрей! кричали ребята.— Не мешай ему, Храмов. Не заткнись рот.

— А на мой рот или не так-то просто подобрать, — отшутился Андрей.— О тебе, Храмов, и тоже кое-что скажу. Но сперва дай мне с товарищем стропило поговорить. От молодежи все-таки надо больше выступать. Собрание ведь комсомольское. А товарищи за нас пока только начальники. Они столько добрых слов о нашем званом наговорили, а я вот не могу ни такими словами ответить. Язык не поворачивается. Вы вот, Иннокентий Захарович, говорили, что комсомунты и комсомольские заступники тон в работе, как в воде. Вот так и вы, товарищи, вы все одних и тех же людей называете. Выдать, крепко они в вашу пашину попали. По той самой причине вы назвали в числе лучших фамилию прораба Кукушкина. А он выплывает и закрывает липовые паруса, выкручивает паруса комсомольские с тех, кому کوتاه...

— Не жаруйся, Глаубов... —

— Я говорю правду,— услышал Андрей.— Я пример с Кукушкином для того и привел, чтобы некоторые руководители, выступая перед нами, больше отвечали за свои слова.

— А на трибуну опять вылезли другие. Глади на поднятые руки, а их снова подымали прораба, мастера и бригадир, Глаубов понял, что ничего не докажет своим выступлением.

В заключение,— торжолно проговорил Андрей,— я хочу зачитать избрание стас двадцати комсомольских и руководящих стасов. Оно короткое: первое — объявить стас «250» ударной молодежной стройкой; второе — немедленно начать строительство двух обшей, мужского и женского, где каждый из подписавшихся обязуется отработать не меньше одного месяца в течение зимних месяцев, в районе поселка лесов, мужскую и женскую, и четвертое — уделить стас работы и отдачу под стас пашину и запугу комеданта Шейкина...»

Когда Андрей передал избрание Гурову, молодые рабочие дружно зааплодировали.

— Я должен заявить вам, Иннокентий Захарович, что комитет комсомола отменяется от этого документа,— сказал Храмов.

— Товарищ Храмов,— медленно и внятно, чтобы слышали все, проговорил Андрей,— уже давно отменялся от молодежи. Но под этим документом стасом стас подписали члены комитета — всех, кроме секретаря и его заместителя.

— Молодец, Глаубов! — поддержал кто-то из ребят.

— Кррой его, Андрей! — послышался голос Кости Мадова.

Гуров заметил нарастающее оживление среди молодежи, встал: — Я думаю, что собрание разрешит мне и комитету более внимательно изучить это избрание. Нет возражений?

— Нет! — хором ответила стронетли.

Только вы его под сукно не прятать! — выкрикнул кто-то.

Сражение закончилось совсем не так, как того хотелось Андрею. Ребята вроде бы и хлопали ему, но на трибуну никто из них не поднялся. Собрание никого решения не приняло. Андрею показало, что Гуров обвел всех вокруг пальца. Молодые рабочие, еще не познавшие, зачем быть лидером, подтрунивали над ним. Если же устала, дракончик, что-то сломалось в нем. И все-таки самая надежда продолжала жить в его душе. Каждое утро он вставал с думкой, что наивысший день внесет в его жизнь что-то новое. А вечером, едва держась на ногах от усталости, уходя в сон, он думал, что завтра днем будет заграничный. Так и тянулось дни, пока однажды в гололе не вырвался первая мысль: один из один потолокват с Гуровым. Скажет ему с своим поздравлением.

А поздравление это не выходило у него из головы со дня собрания. «Я попрощался с вами первым, а в списке оказался почему-то последний», — оправдался Кости, когда Андрей набрал смелости и начал говорить о том, что тот не выступил. «Неужели Гуров и Храмов занимались подтасовкой выступавших? — раздумывал Андрей.— Вот тебе и демократия! Здорово они на мне оттягивали. И все-таки я постараюсь вывести их на чистую воду. Подтрунивать больше уже не буду. Обмане стасу стас избрание. Молчать, будто в рот воды набрани. Пускай меня потом стас стройки выгоняют, но я должен открыто потолокват с Гуровым...»

На прием к Гурову попасть не удалось, он к тому времени уже стал начальником стасов, а без подпорочных стасиделей застыть его в кабинетах было невозможно. А погодничать, хохотать с глазу на глаз. Вот и решил Андрей нанести Гурову визит в его вагончик.

4.

Ночь стояла тихая, поселок над утомленным, а Гуров все сидел над какими-то бумагами. Глаубов нервничал, ему не хотелось отрывать его от дела. О том, как этот истопил весь его ночной яд, он был раздумывал. Он как видял испуганно, было, что-то вышло в Гуров, бросить его в лицо все, что он думает о нем, и гордо удалиться. Выждав некоторое время после того, как погас свет, Глаубов вошел в вагончик.

— Иннокентий Захарович! Прочитаете, Иннокентий Захарович. Это я, Глаубов...»

— Что тебе, Глобусов? — открыл глаза, спросил Гуров. — Что это за люди мне встретились? В квартиру сюда врываются? Отвечай, Глобусов. Отвечай, сукин сын, пока я тебя не ухлопал. Ну!

Даже в темноте Андрей разглядел торчащее из-под одеяла дуло пистолета. По голосу Иннокентия Захаровича можно было догадаться, что он на спял.

— Вы ведь трус, Иннокентий Захарович... — с дрожью в голосе заговорил Андрей. — Вы побойтесь в меня стрельнуть. Вы у вас даже рука дрогнет. Спрячьте свою игрушку...

— Не двигайся! — грозно scomовал Гуров, и в наступившей тишине разлился легкий шелест. Величавая настольная лампа Глобусова загорелась от нежданный света, и Гуров тем временем соскочил с раскладушки.

— Вы не бойтесь, Иннокентий Захарович, — разглядывая старинную пистолет, которая делала начальника стройки еще ниже и толще, примирительно сказал Андрей. — Я не грабитель. Да чего тут у вас красть?.. Я потопляю заглянуть.

— Ну и страсть ты, Глобусов! — все еще держа пистолет в руке, усмехнулся Гуров. — Сам от страха помирает, а меня успокаивает. Кто ты такой, я давно выяснил. Потому, может, и не подпрыгнул твою крошечку блужку, что интерес к ней имею. Давай взгляды, какая там крамла у тебя сорзела? Черт знает что, сам дрожит, а на рокион летит. Предупреждаю, что за это ночное хамство ты у меня еще ответишь. Чего молчишь?

— Я пришел сказать вам, — смелее заговорил Глобусов, — что вы в прошлый раз обманули меня. Вы подговорили мастеров и прорабов...

— А ты хотел, чтобы я понадеялся на стихию? — грубо обрвал его Гуров. — Любо тебе порадо надо прежде всего подготовит. Да ты не тарай на меня удивленные глаза. Собрание пришло заранее. И скажи спасибо, что тебе за самоуправство не турнули из комсомола.

Андрей, потрескивший откровенности Гурова, молча глядя на его боссе, пошениние от холода ног. Хотел вскрикнуть ему в глаза, но не смог.

— Значит, Храмов давал слово только тем, кого вы успели подготовит? — не поднимая головы, спросил Глобусов.

— Ты Храмова в эту историю не впутывай, — строго предупредил Гуров. — Он действовал по моему указу.

Глобусов почувствовал, как к лицу прилихнула кровь.

— И после этого вы спокойно смотрите на в глаза? — медленно, с крпиплито в голосе спросил он. — Считаете себя порядочным человеком? — Все больше накалялся, он взглянул на Гурова в упор. — Да если об этом узнают ребята, они перестанут нас уважать... Может, вы опять мене размырываете?..

Но впрочем с Гуровым Андрею казалось, что разговор получится обоюдострым. Он представлял, как побарует его темные глаза, сколько будет шума и как в конце разговора Гуров укажет ему на дверь. Но теперь, когда грозный начальник сидит перед ним в своей подковой пижаме, когда он ждет от Глобусова чего-то такого, что могло бы поколебать его убеждения, Андрей вдруг почувствовал, что он лишь повторяет свое выступление на собрании. Все разговор показался ему мелким. И все-таки он продолжал говорить:

Наша история похожа на проколовый город. Одни работают, а другие балуются белом. Слово скажешь, а они тебе десят в ответ: наведите, мол, сначала порядок, дайте житье. Я кое у кого комсомольские направления отобрал. Вот, полюбопытствуй. — Он вынул из кармана несколько замятых, засаленных направлений и протянул их Гурову. — Разве с такими людьми построить город? Негу у нас комсомольского духа в стройке. Да и откуда ему взяться? Прорабы и мастера — нышники. За бутылку водки и премии представляют. А вы им покровительствуете. Ку-

ранов бы за такие махинации, знаете, что сделат? Под суд бы отдали...

— Чего ты добиваешься? — Гуров взглянул на Андрея, залукал на груди пижаму. — Выд бы ты, к примеру, секретарем стройки. Тогда полати. Или хотя бы членом комитета. Твое твою работа бы все поинта. А ты ведь никто. Ты рядовой какой тут сотчи. Зачем комсомольским и этой нольный визит ты проредял без всякой користи?

— С корыстью, Иннокентий Захарович, — вспыхнул Андрей. — На собрание ребя подбавлял с корыстью, чтобы хорошенько вымылеть шек Храмову. И знаете, за что? За то, что он пред вами, как дрсированный песчик, на задних лапках ходит. Ваше мнение ему дороже мнения всех комсомольцев. Вы тут задвинули своим авторитетом всех. А я вас не боюсь. Может, потому, что я рядовой, что мне торать нечего. И еще обделен славой. Этого не хотат все хорошие люди. Только ставило сказать вслух. Но все мои друзья мечтают о том, чтобы об их молодости говорили потом так же, как говорят о комсомольских войнах и первых патилетках. Вы думаете, что мы сработаем хуже? А я уверен, что мы выстроим свой Комсомольск и свой Цинкоград. Сюет только объявить стач 250-ю ударной комсомольской стройкой...

— Ты это ошут за свое? — устало пророгорил Гуров.

— Я за нашу сумгапетскую Магнитку, за наш Комсомольск-на-Каспий!

— Тогда были другие времена... Да я люди покрепче духом.

— Давайте мы первыми вернемся к тем временам, — горячился Андрей. — Надо прошептать на всю страну, чтобы к нам лихкие комсомольцы потанулись. Стройка-то важная. А за наш дух не беспокояйтесь. Мы бы толькох ребит в комитет избрали. Такие дела можно развернуть, что отсюда на уши никого не отворишь. И нам бы легче было...

Гуров молчал. Он внимательно разглядывал комсомольские направления и молчал. Его внешняя безучастность драматича Андрея, вызвала злобу. Когда он умолок, Гуров встал, вернул ему направления и сказала: — Ну, слулай. Ответа не будет. Молды ты, Глобусов.

У двери Андрей задеркался. Измеря фигуру начальника стройки тяжелым взглядом, он усмехнулся:

— Спице спокойно, Иннокентий Захарович...

С той ночью и царит между ними антипатия. Неспкойное ватише. Андрей отстался у самой крошки берега.

Визитный вечер насадел быстро, море потемнело, луна еще только набирала силу, кругом было безлюдно и пахло сыростью. Повороты обратно, Андрей решил обдумать, как и в какие дни будет говорить с ребятами. Он был убежден, что они поддержат его в том трудном деле, которое предстояло начинать.

До отчетно-выборного собрания оставались считанные дни. На работе и дома, в палатках, все чаще вспыхивали горячие споры, за кого то доносить на собрании, кому доверить руководство комсомолом стройки. Назывались разные фамилии, но больше других упоминались фамилия Глобусова. Хотя Андрей держал в строгом секрете свой личный визит к начальнику стройки, но слухом об этом как-то просочилось и пошел гулять среди молодых рабочих. Чем меньше дней оставалось до собрания, тем умеренней поговаривали о новом секретаре. Храмов перестал даже здороваться с Андреем. Ребята откровенно спрашивали Глобусова, что он будет делать, когда его изберут секретарем. Андреем почти всегда удавалось безбедно отпугнуться. Но сегодня вечером его ждал такой разговор, что шушкой не отделаться. И прежде, чем подвать за него руку, ребит, видимо, выдвинут свои условия. В палатке соберутся, а может, еще соберутся все его друзья, но он не боится разговора с ними, хотя за многое предстояло дрягать ответ — и за хорошее и за плохое...

Петр ВЕГИН

ЗНАК

Когда закочну на земле свое короткое служенье И алятник пробьет разлуку мне с измаленько мастовой, вы между неба и бесмертья, вы между неба и земель, между собой и между мной поставьте крест — как знак сложеный!

СЕНТАБРЬСКИЕ СТОГА

К стогам — ночные ходят койн... Стога сияют с себя, как улавные с колоколов золотые колокола. Спят летучи. Мелет стада. Стога, по ком ваш зов, стога!

И женщины моей России, белы, как перые снега, на лени волосы рассыпа, в вас растворяются, стога.

Стога люди озарены... Мы в женщинах растворены — мы, как в сентябрьских стогах, — известия женщины матерей. И даие уходя от них, мы — в них.

Нас ветер несет, как соломинки, и смотрит вслед нам из грозь глза их — синие солоник, в них сол — слезы.

И вслед шагачими мужичком их зов летит со всех сторон, несный, — еле размыканный, как звон сентябрьских стогов.

ДОЖДЬ В РИМЕ

Дождь. Ночь. Какое по счету в жизни Рима дождь? Ночь.

Афиши... Как слепые без поводыра — афиши.

Рим ночью — тетрадь в юскую линию дождя. Рим ночью.

Что значат язык бульонника и ишты фоярей? Что значат?

Как היא женщины, стоящей под дождем! Как היא!

Что? Слезы! Так запрокидывают головы, когда что? Слезы.

Длинная дождь от волос ее распущенных, длиннее.

Ну сколько, Рим, тебе надобно дождей? Ну, сколько!

Неужто вневств Рима — дождь и плач! Неужто!

Неужно, есл, Рим, ты вечен так — неужно.

КЛИНОСЫ

Рассвет. Читаю клинописи лучей. Светают полумесцы ногтей. Я первым разобрался в письменах и прочитал о новых временах...

А вневств среди сирени спит, как буква сербистая лежит, о чем она и как она звучит? Но лине неведомо женщи афрант!

Я бюсь над ней, стараюсь прочтать, устал лицо и руки целовать,

и каждый раз бесслен перед ней я — прочтатый клинописи лучей.

Твоя профессия

Борис СМИРНОВ

Альберт ЛЕХМУС (фото)

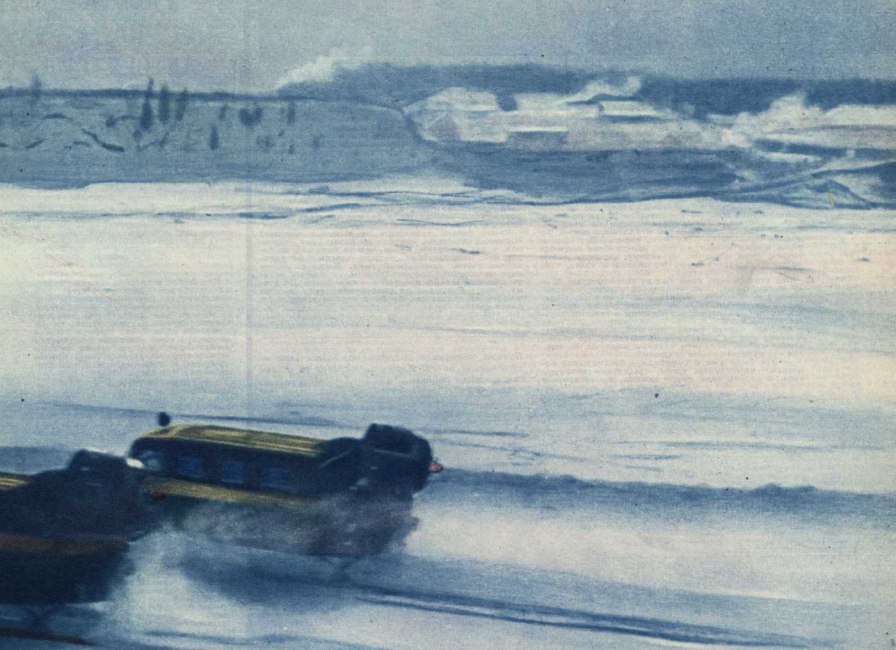
12 СМЕНА

По утрам маленький сибирский город Усть-Кут будит самолетный гул. Он идет не с неба, а со стороны замерзшей и засыпанной снегом Лены. Это уходит вперед и вниз по реке почтовый аэросани.

Первые регулярные почтовые курьеры появились в Сибири более двух сотен лет назад. В 1724 году была создана ямская гоньба (почта — почтовая станция), которая раз в месяц отправляла спятившихся деловых по сибирским губерниям. Почтовая служба, одна из самых древних служб на земле, в Сибири развивалась невероятно медленно. Что говорить об этих «натурных местах», если во всей России в 1836 году было всего 4 084 почтовые станции, 14 366 ямщиков и 20 689 повозок...

История появления аэросаней гораздо новее. Она начинается где-то в первых годах нынешнего столетия, потом, с большим перерывом, продолжается в Москве. Созданное после Октябрьской революции конструкторское бюро возглавляет большинство надежды на аэросани, видя в них будущий транспорт «снежного государства» — России. Новые машины испытываются в пробках Москва — Ленинград, Москва — Горький, Москва — Челябинск. Во время Великой Отечественной войны батальон аэросаней совершил удачные боевые операции. А потом... потом снова был большой перерыв. Конечно, самолеты и вертолеты полностью вытеснили даже воспоминания о небольшом экипаже, летящем по снежной целине. А экипаж такой все же вновь появился. Сначала он был очень похож на обычную автомашину «Победа», затем

КУРЬЕРЫ СЕВЕРА

В реёс по заснеженной Лене уходит почтовые аэросамы.

эту модель (она называется «Север-2») сменила более совершенная конструкция — «ИС-30». Принадлежит она авиационной фирме Яковлева, той самой, которая выпускает известные всему миру вертолеты. Небо небом, а земля нужен свой транспорт... Самым гордым сторонником аэросамов стали почтовые службы. В Сибири, на Крайнем Севере, где дорог до сих пор существенно не хватает, на «средних дистанциях» между поселениями и деревнями аэросамы оказались вне конкуренции: самолеты и вертолеты попросту негде развешивать, автомашины — взвизг на «зимниках», вертолеты очень небезопасны. Правда, о полном торжестве аэросамы говорить еще слишком рано. Во всяком случае сейчас трудятся на больше 170 танках машин.

— Усть-Нут — аэросамная столица. Только не на-

до смеяться! сюда регулярно съезжаются люди с Чукотки, с Амуря, из Архангельской, Томской, Нурьбинской и многих других областей Советского Союза. Этот город — пока что единственное место, где они на специальных курсах могут научиться управлять незнакомой машиной. Курсы как курсы. Изучается двигатель, конструкция, правила движения. Потом практическая езда. Но разница не только в том, что курсисты изучают не «элюсовина», а авиационные двигатели, что в правилах движения больше маневренных, чем шоссежных законов, а в учебных рейсах здесь уходит, как в плавание, на несколько дней. Курсисты чувствуют себя не только учениками, но и неизменно испытателями. Все в их будущей профессии ново, необычно, даже ее названия еще нет: много ли людей хоть раз в жизни слышало такое

слово — «аэросамист»? Молодая машина, молодая профессия, и не удивительно, что обучаться ей приезжают в Усть-Нут в основном молодые ребята. В 22 года работа может быстро стать увлечением. Нурьбинты ходят по городу в летних куртках, на старте очень громко кричат «От винта!» и залезая в кабину аэросамы, перчаткой аккуратно сбивают, как летчики, снег с мусовых унтов.

— Трудно им учиться, никаких пособий нет, — сочувственно говорит начальник Усть-Нутской базы связи Дружинин. — Даже преподаватель у них из Москвы — сам ведущий конструктор аэросамы приезжает, Игорь Николаевич Юбилев. Но курсисты и сами понимают, что не для экзамена учатся. Иногда из них даже уже идет машина, там спрашивать будет не у кого... Эти ребята — почтовые курьеры Севера. Они уз-

Старший преподаватель курсов — ведущий конструктор аэросплавов Игорь Николаевич Кузнецов.

Курсанты съехались из многих краев и областей Сибири и Дальнего Востока.

знают, что такое постоянная готовность и рейсов без свидан из моря, пугу. Они узнают, что такое ответственность за груз писем, бандероль, посылки. Они до конца разберутся в машине, оставив ключи пришедшей и металлу кожи во время непогодающей опасности перевернуться, загореться, пойти под лед, зининная...

Одно такое происшествие случилось при нас. Ночью по телефону пришло сообщение: в ста километрах провалились аэроспаны. Утром на очередной рейсовой машине мы спешим вверх по Лене. Оказываемся, лед на реке совсем не гадкий. Труснет так, словно едем по стальной доске. То и дело приходится объезжать торосы. Вот провалился в реку впадает ручеек, или течение лед подточило. Река широкая, но вернуло доверию никто не лечит. А берега — крутые склоны и тайга, тайга на тысячу километров.

Лед стал ровнее, сами пошли со скоростью 60—70 километров в час. «Ничего не успеет — расписание!» — объясняет водитель А. Гомзюков. В деревушках, засыпанных по крышам снегом, быстро отдали письма, переводы, посылки и спешим дальше. Расписание!

Вперед черное пятно. Вот они, пострадавшие! Машина уле на льду; трактор вывалился. На бортах — крупные свески садны.

— Это было уже в сумерках, — рассказывает водитель, — вдруг удар, треск, чувство — погружаемся. В кабине вода, двери заклино. Мы со вторым

водителем выбили стекло в пассажирскую кабину там через аварийный люк на крышу. Хорошо, мейно здесь, по груди к берегу дошли. Мороз! Да что то около сорока... Я ничего, а второй водитель обморозился, в больницу его отравили.

Не будь рядом опытных водителей, я счел бы, наверное, пострадавшего водителя героем. Гомзюков сказал коротко: «Я бы не провалился». Просто для опытного водителя не бывает случайностей. Он изучает реку, как свою ладонь, знает, где чего ждать, где гнать и где ползти на малых оборотах. Тоже наука... Ну, а то, что водитель в воду пошел, — это же его работа!

Никой только транспорт не выдумал человек! Машины, самолеты, корабли на воздушных подушках, и вот аэроспаны. Кузов, чем-то похожий на городской микроавтобус, четыре толстые металлические лыжи, самолетный винт. Когда аэроспаны плывут на хорошей скорости, слава, за винтом, встает длинный шлейф белой снежной пыли. По этому белому буруну и по самолетному гулу мыталам маленьких деревушек на Лене издали угадывают: почта едет!

Письма, коробки с кинофильмами, посылки — ежедневная почта. Аэроспаны доставят ее в глухие, тяжелые районы.

ПЯТИЛЕТКЕ — МАСТЕРСТВО И ПОИСК МОЛОДЫХ

РАБОТА НА АВТОРИТЕТ И РАБОТА АВТОРИТЕТА

Анатолий КОЗЛОВ,

старший инженер литейного цеха Алтайского тракторного завода (г. Рубцовск)

Что бывал в литейке, должен знать, какими трудом достается чуток или какой-нибудь другой металл. А в литейке не «бывало», я в ней работаю. И как-то мне глупая, на зарекованные слитки чугуна, чушки по-нашему! За день брань прежде было до десяти тонн. Попадаю на участок разбора, как-то мне прежде брань перевернула (в долмен застыл прищипу брань) и потом не слыши, как будут выли по-литая кофре.

Заброкованные чушки и «агитризаторы» меня в рационализаторы. Начал я с присосбливания, которое уменьшило брань при литье корпуса ревулятора для тракторов ДТ-54. Технические изготовить приспособление было несложно, но имя с меня создателем Юрия Потычинным пришлось за него повесить. Один товарищ у нас на заводе говорит, что рационализатор первые пять лет работает на свой авторитет, а потом авторитет работает на него. История этой «войны» настолько обычна, что я бы ее не вспомнил, если бы она не имела для меня неожиданных последствий. Хотя не очень приятно рассказывать о них, я это сделал в надежде, что кому-нибудь от моего тона будет урок.

Внедряя свое первое, третье предложение, я, видимо, завоевал тот самый авторитет, который должен был работать на меня. И так ухлился, так уверился в себе, что, решив однажды изменить технологию литья деталей, не очень тщательно все обдумал. А цехе мне уже верили, и мне запустили большую партию деталей по недостойной технологии. Но, к сожалению, за что были местно названы: пошел брань. Известная народная мудрость «не суйся в воду, не изведая броду» обрела для меня обидную реальность. Но, наверное, и это имело смысл, и деньги, «сбыденные» браном, окупались — об осторожности, о тщательной проверке являл мне уже не надо напоминать.

Надо ли говорить, что после той оплошности и не забросил. С еще большей энергией занялся рационализацией. Меня не раз спросили один человек, что было, если бы и бросил это дело. Я не знаю, что бы было. Я знаю, что этого никогда не будет. Это на всю жизнь. Изобретательство для меня не работа (работа само собой), не отдых (наш отдых, когда устаешь и лжешься иной раз над «отстойной доской»). Это что-то иное с чем не сравнимое — возможность думать.

Я смотрю на некоторых литейщиков, которые приходят и уходят на завод. Похоже, работа их никак не интере-

Людмила ГЕРАСИМОВА, Мирслав МУРАЗОВ (фото)

Чистый голос несни

Удивительно складывается порой судьба эстрадного артиста. Одному везет чуть ли не с пеленок и до конца жизни, и не всегда это зависит от наличия таланта. Другой с трудом добивается признания в зрелом возрасте, но сколько сил и времени потратил (как, если бы чуть раньше), истрачено зря... Третьим — а их большинство — фортуна улыбается ласково, но недолго. Увы, эстрада столь же коварна, сколь и притягательна, она влечет многих, но немногие остаются на памяти нашей как явление значительное, непереносимое, самобытное. Эстрада безжалостна. В театре можно всю жизнь пролунуть на выходных ролях и считаться артистом. В кино тебя узнают, даже если ты промелькнул

после того, как ее признали... в Польше. Парадосальный факт, но от него не уйдешь, и я иногда наивно думаю, что, может быть, он чему-то научит нас — хотя бы не закрывать глаза на такие факты, когда талантливое редкое и его только стоит увидеть».

Там вот, я хочу сказать, что Голли Чохели своей вышедшей славы, обидана прежде всего самой себе. Чтобы десять лет сопротивляться злой воле, неблагоприятным обстоятельствам, холодному презрению недругов и даже собственной, не слишком уравновешенной натуре, для этого нужно иметь незаурядные данные: помимо таланта, мастерства, внешности, еще и качества борца — выдержку, самообладание, силу воли.

Голли рано начала петь: готовилась и наярывала пианисткой и разучивала партии сопрано. Победила песня, и Голли стала выступать в лучших эстрадных коллективах страны. Несколькими годами раньше она выступала с гругинским ансамблем «Чанги» под руководством Бориса Рычкова. Преподанный музыкант. Рычков много сделал для Голли, и результаты не замедлили сказаться: на фестивале джаза в Таллине они получили звание лауреатов. Затем Солот, гастроли на Кубе, выступление на Парижском джазовом фестивале. И всегда неизменный успех. И снова приглашение выступать, записываться на пластинки, радио, телевидение. И концерты, концерты.

Часто успех эстрадного певца зависит от репертуара. Среди сотен современных исполнителей не так уж много счастливых, имеющих «свою песню, свою тему в песне». И таким открылся и Голли Чохели. Может быть, ей просто повезло, что в Солоте она стала лауреатом, хотя я не вижу в этом ничего от случайного. Но именно в расчете на ее творческую индивидуальность писал Михаил Таривердиев свое «Музыку». Он не ошибся: именно эта песня, еще до Солота, заставила заговорить о Голли Чохели даже тех, кто был и ней, как певце, равнодушно или несправедливо, именно эта песня принесла ей истинное признание слушателей, стала

ее визитной карточкой, стала определяющей в репертуаре. Впрочем, ритм в песне большой успех имела другая песня. Но это уже дело вкуса.)

Голли Чохели — скорее драматическая певица, со своим особым внутренним миром, интенсивным, глубоким, порой загадочным. В наши дни, когда настраивают всего мира господствует испуганный ритм бытия, когда истинное чувство поменяется зачастую «электрифицированными» эмоциями, нелегко оставаться верными себе, петь голосом сердца. Бить в искренним, оставаясь «наедине» с миллионами зрителей. Нужно иметь немалое мужество, чтобы петь то, что нравится самому себе, не идти на поводу у публики, не разминывать свой талант на дешевой успех. Это не значит, что в репертуаре Чохели вы не услышите современных ритмов. Модных шлягеров, неприязнительных лирических песенок, но чувство меры и безупрочный вкус позволяют певице не пренебрегать неизменной гранью и оставаться самой собой. Она пробует себя во всех жанрах эстрадной песни, ей нужно знать все свои возможности, отсюда и ошибки и творческая неудовлетворенность. Без историка не существует настоящего артиста.

Нужно также быть смелой, готовой на эксперимент, чтобы петь на эстраде неклассический джаз. Вот здесь-то ее неуемный темперамент, ее бескомпромиссность и внутренняя свобода находят себя и проявляются весьма уверенно. Очень трудно петь джаз, но послушайте Голли Чохели, когда она поет «Министра Паганони» или песня Гаршвина в джазе ее музыкальность, ее интим, насыщенная тембрами голос, иррациональный, расхоженный звук пленит, понаслушай, будет все это ее стихия, это ее человеческая и артистическая суть, и она имеет право на собственные поиски в этом сложнейшем искусстве.

Работает Голли мало, но, яростно, до самоизжарения, бывает, бросается из одной крайности в другую, но остается при этом верной себе и своему искусству.

в «массовые» раз-другой. На эстраде человек — сам по себе, без спасительного антуража, без декораций. Без суплера. Вся надежда только на себя. «Удельный» вес таланта многократно возрастает, ценность человека как художника и гражданина абстрагируется на эстраде в один момент, и особенно углубляется в этом отношении исполнитель песни. С той минуты, как певец (или певица) выходит впервые на эстраду, только себе одному он может и должен предъявлять все претензии, только он сам отвечает за свою дальнейшую судьбу.

Все сказанное выше в небольшой степени относится к певице, чье имя достаточно хорошо известно и у нас и за рубежом. Вернее сказать, Голли Чохели стала широко известна в нашей стране

Этот снимок, сделанный в 1959 году, сам Хемингуэй считал лучшей своей фотографией.

2. НИКОГДА НИКОГДА НЕ УМИРАЕТ

В тридцатые годы писатель пытался замкнуться в своем — хемингуэевском — мире. Он жил как бы без связи с миром. Что он описывал — бой быков? Да. Охоту? Конечно. Рыбную ловлю? Разумеется.

Происходило непонятное самоограничение творчества — словно и не надеялся гитлеризм в Германии, словно не беспокоились фашисты Муссолини и Гитро де Ривера. Слово ничего не существовало на планете, кроме быков, катера и боя.

Сам писатель понимал, что даже гениально написанный этюд является только частью чего-то целого.

И тогда появляется книга «Смерть после полудня». Как справедливо отмечена советской исследовательницей творчества писателя И. Кашкиной, в этом произведении Хемингуэй избрал объектом изучения насильственную смерть, проблему абстрактно взвзную, причем смерть не ради достижения высокой цели, а смерть ради заработка или ясно понята профессиональной чести.

«Хемингуэй занимался тем, что ловил рыбу в Гольфстриме, но это была еще не большая рыба старого Сантьяго; он обаялся в Ин-Уэсте ключом земли, но не нашел для своих непомерных сил ту Святогогору земли тигру, о которой тосковал Диего Барнс и еще будет тосковать писатель Гарри. Однако застой был минимален. Это было накопление сил перед броском».

И бросок зстой наступил. Сначала Хемингуэем овладели беспокойство и непоседливость. Он метается по земному шару, по всем параллелям и меридианам. Сегодня он в Европе, завтра — в Африке, через три дня — в Америке. Множество встреч с мажорами, охотниками, рыбаками, ветеранами войны, много разведок, знакомств — и пока мало книг. За семь лет он выпускает лишь один сборник рассказов. Самый мрачный и безнадёжный — «Победитель не получает ничего». Эпиграф к сборнику отвечает на вопрос, который поставила жизнь: «Победитель не получает ничего, ни успокоения, ни

радости, ни славы». На страницах этого сборника сконцентрировалось все странное и ммурое, все безнадёжное. Раньше, рассказывая о поражении матadora Гарсия, Хемингуэй и в его порождении видел не-победимость и воссвелял внутреннюю решимость. Здесь даже «победитель не получает ничего».

После своего столь шумовашего визита в Африку в 1933—1934 годах Хемингуэй выпускает три книги: «Зеленые холмы Африки» и два рассказа — «Недолгое счастье Франсиса Максомбера» и «Снега Килиманджаро».

В «Зеленых холмах Африки», как отмечали критики, Хемингуэй спорит со своими кондициями, изломанности в «Смерти после полудня». Раньше он говорил: «Пусть спасают мир другие, а я буду оттачивать шпагу своих матadoras». Теперь же в этой браваде он рассматривал и чувство невыполненного долга и самооправдание человека, который сознает, что трагиком о бое быков, как бы горючо он ни был написан, и «мира не сплещет и совесть не успокоит».

В «Недолгое счастье Франсиса Максомбера» писатель авозвращается к любимой теме мужества. Он отмечает, что мужество — это не всегда врожденное свойство. Его герой трусоват в жизни, в семье, на охоте. Он одинаково боится и равного льва и распутной жены. Но он все же находит в себе мужество, и оно внезапно вырывает его — вырывает в собственных глазах. Он поднимается над своей природной трусоватостью и идет на равного буйвола. Он смелее: он не боится ничего. И в ту же минуту герой получает пулю в затылок. Стреляла жена. Точнее, убивала жена, которая поняла, что она потеряла власть над мужем.

«Снега Килиманджаро» открываются шиверон-эпиграфом: «Килиманджаро — покрытый вечными снегами горный массив, высотой в 19 710 футов, или как говорят в шале точки Африки. Пьяная масса называет его западным пик «Игайя», что значит «дом бога». Почти у самой вершины западного пика лежит иссохший мертвый тропея леопарда. Что понадобилось леопарду на такой высоте, никто объяснить не может».

В этом рассказе героиня — писатель Гарри — умирает от гангрены, от случайной царапины. Но это физическая смерть. А моральная наступила уже давно — талант писателя задыхал средой, в которой он жил, скучными богатствами людей.

Гарри не спасла охота. Охота, спорт хороши, когда они помогают утвердить жизненные принципы. Как-то, вспоминая Скотта Фицджеральда, поддавшегося многим слабостям, сопутствующим богатству и славе, Хемингуэй с удивлением сказал:

— Скотт уже больше не был в Принстоне, но все еще говорил о футболе. Он не мыслил своей жизни без футбола. Я сказал: «Скотт, почему ты не бросишь футбол?» Он сказал: «Мне с ума сошел, парень». Вот и вся история. «Если ты не сможешь перейти улицу, как ты надеешься проваться через оборону в футболе?»

Если ты не сможешь перейти улицу, с кем же ты. Если ты не сможешь нырять на охоте, ловить тех, кого сам называл рыбами-попыманам, ведущими за собой богачей. Если ты будешь нырять «в представление о жизни как о непрерывной фиесте», то знача тебе спорт.

И Хемингуэй определил, с кем же он. Кончился период охоты, ловли рыбы, боя, состязаний с ястребами — Богатыми безделовниками Ин-Уэста... Надвигался новый этап — грозный, огненный. До войны оставались считанные минуты. Для Хемингуэя, как и для многих переводов

ХЕМИНГУЭЙ
И СПОРТ

огорая стоит тут рядом, он ползает только тогда, когда пишется легко. Но это, по свидетельству Хемингуэя, бывает чрезвычайно редко.

В журнале «Льюис» было опубликовано интервью с Мари Хемингуэй:

— Как протекла ваша жизнь на Кубе? Я не могу, миссис Мари, представить тихого Хемингуэя, который отлучился на рыбную ловлю и садился писать в строго определенные часы.

— И все же это было именно так. Все те семнадцать лет, которые мы вместе провели в Гаване, когда он, что бывало редко, он отправлялся ловить рыбу или в бассейн.

После рыбалки мы обедали. После обеда он обыкновенно читал. Читал он одновременно четверть или пять, а читал он по-английски, по-испански, по-французски и по-французски. Когда утихло читать даме в лодке, когда мы ложились спать, иногда мы открывали на эту охоту в Африку, он взял с собой пять—десять книг. И читал он по повесткам — странным от книг, только иногда стрелял. Он обыкновенно читал, а потом пошел ужином, ложились рано, иногда сразу после ужина.

«Ваше всех он ценя русских писателей. Их гомики он брал даже на охоту»,— свидетельствует средний сын Хемингуэя, Патрик, который живет в городе Аруши, в Танзании, самом популярном из всех охотничьих пристанищ Восточной Африки.

Так он работал в эти годы—читал и писал.

Как отгадал?

Мари Хемингуэй вспоминает об одной из последних охотничьих вылазок, в которых принимал участие писатель:

«Мы шли по болоту. А Пала с товарищем впереди. Руле мы — мы охотились на уток— было жарко, и предостерегающий ступень Врукайка-то коряга под ногой спомалась. Я качала голову и изумлялась, что руле выстрелит — убьет или ранит кого-нибудь из нас. Я слышала ружейную головку и всей теляткою упала на лодку левой руки и раздробила Ручку мне спина. Пала бесконечно лет поглядывал каждый день утром и вечером на массивную ногу. Он был очень и неоступал. Я не помню случая, чтобы он пропустил свист. И все утки маневры: «Надо верить, что рука будет нормальной, надо верить, в то, что утка залетит в твою руку. Будь храбрым и верь в победу». Будь храбрым и верь в победу.

«Утки был отличный стрелок, смелый и находчивый охотник. Местные жители узнавали его за это. О том, что он крупный писатель, знали немногие африканцы, а то, что он заядлый охотник, известно было в самых глухих местах. Недаром и Мейн его называли почетным членом. Больше всего отец радовался, впрочем, не трофеям, а тогда, когда ему удавалось завести хорошее знакомство, узнать от африканца интересную легенду, сказку. Он превосходно знал обычаи и нравы многих африканских племен— дополнял рассказ о необычных увлечениях отца Патрик Хемингуэй.

Герой книги «За рекой, в тени деревьев» полковник Кантуэлл, человек, живший всю жизнь рядом со смертью, едет в Вандино на свидание с княжной. Он прощается с княжной— отходит на уток в болота реки Пьево. Он и в последние дни своей жизни остается азартным игроком, с твердой рукой и четким глазом. И с честным сердцем. И со светлой головой.

И сам Хемингуэй был таким человеком— лез в самое пекло, на крайний край— и на озере, и на арене корриды, на ринге, и на охоте, и на рыбной ловле. Он был убежден, что писатель все должен испытать — Хемингуэй сказал то, что видел, пережил, понял.

Самые любимые его герои — солдаты, охотники, репортеры, спортсмены — люди действия, отваги, риска. Но стоило ли бездумно сурмить? И не зря Ричард Кантуэлл спрашивает:

— Как ты думаешь, слова «доблестей» произошло от слова «добры»?»

Он сам был человеком действия, добрый и доблестный.

Он оставался преданным действию до конца. Но когда он, мол, повторит вместе с героями: «Я не дам ему исплакать мне охоту. Не желаю, чтобы вы что-нибудь помышляли, и ему не дам. Каждый выстрел пистолета может быть мой последний выстрел».

Однажды Хемингуэй спросил: «— Вас сазывает что-нибудь со спортом сейчас?»

— Связывают мои же сравнения. Фигура Брет в моем романе напоминает линию гоночной яхты. Доктор Брет — это человек, который не знает разговоров, как футболист после удачно проведенного матча.

— Вы сейчас?

— С удовольствием был бегал. Человек начинает осознавать прелесть бегов, когда ему ступнет 75.

В 1952 году Нобелевский комитет мотивировал свое решение о присуждении Эрнсту Миллеру Хемингуэю Нобелевской премии тем, что писатель мастерски владеет искусством современного повествования. Емкий лаконизм, умение выжать главное и поставить это главное на ударное место, в ключевую фразу — заглавие репортажника — смелость, недоговорчивость, сдержанность, сдержанность, живая, непринужденный диалог, четкость описаний, лирическая дань авторскому настроению, подчеркнутая сухость объективного тона — вот отличительные особенности рублевой прозы Хемингуэя, прозы, в которой отразилась динамика нашего века.

21 июля 1899 года на одной из тихих улочек этого города (ок. Парк, недалеко от метрополитана) в Чикаго, семье начинающего врача Кларенса Хемингуэя родился сын новорожденного мальчика, в честь деда названного Эрнестом Миллером.

2 июля 1961 года в Солтенево, долине, расположенной между Хэйли и Катчумом на западном берегу Вуд Ривера, в доме, фасад которого открыт восходящему солнцу, выстроилась инкрустированная серебром дуэлька 12-го калибра. Умер знаменитый писатель Эрнест Хемингуэй.

И восходит солнце, и заходит солнце. Но неправда, что тот же ветер возвращается на круги своя. Ветер бьет насет людям носов, то многого, что свалил сын века, один из талантливейших писателей. «Все реки текут в море. И нельзя предстать сегодня море человеческой культуры без того, что принес туда бурный поток Хемингуэя».

«Мир — хорошее место, за него стоит драться, и очень не хочется его покидать»,— сказал один из героев писателя. И это было credo Хемингуэя. Он писал о миссии. И всегда о современности. Он жил жизнью своих героев. И поэтому в его жизни и творчестве немалое место занял спорт.

Праха писателя покоится в Солнечной долине, в той самой долине, где свистит ветер в ушах горнолыжника, где, как горос, мелькает цветные костюмы скальсменов, где звучит неумолчавая мелодия скорости — серенада Солнечной долины. Здесь, в царстве лыжников, он лежит — сподобившись славы, славы, где звучит неумолчавая мелодия скорости — серенада Солнечной долины. Здесь, в царстве лыжников, он лежит — сподобившись славы, славы, где звучит неумолчавая мелодия скорости — серенада Солнечной долины.

А вокруг него книги зимы. Вот наихотнее горнолыжники стремительно скользят в долину, сосиски ничего не остается, красные выстрелы — чудесное ощущение. И вот он, Хемингуэй, он встал на небольшой бугор, а потом снег начал улетать — азарт, азарт, он пошел вперед, быстрее, по последнему кубку уступил спуску. Согнувшись, почти сидя на лыжах, стремительно центр тяжести прилежал к нему можно начинать сходить, и чувствовалось, что скорость слышим волна. Но он не замедил хода. Он не сбавляет и удерживает.

Советы со светом

«История доказала, что визиты с дарами и умершие возмущают не только деловых живых людей. Сначала дарил то, что можно было отнести людям, то живым, то мертвым, то отсутствующим. Постепенно подарочные подарки распространялись и на менее могущественные лица и наконец переходит в умиление равных себе»,— писал английский философ Герберт Спенсер.

«ДАРОНОМУ КОНЮ В ЗУБЫ НЕ СМОТЯТ»

Еще на том смотрит. И это даже рекомендуется во всех правилах хорошего тона — тогда же развернуть подарок и выразить свое удовольствие. Неудовольствие лучше скрыть. Промозглость фразы вроде ты — «ах, и не могу принять такой подарок или, выслушайте вы, давайте их тем самым. От подарков не отказывайтесь. «Плюс» один женщина пользуется правом не принимать подарок от малознакомых мужчин, на которых не имеет никаких видов, кроме обыкновенного знакомства. Так во всяком случае писали раньше в правилах и советах общественной и домашней жизни.

«НЕ ДОРОГ ПОДАРОК, ДОРОГА ЛЮБОВЬ»

Это уже прямой визит не делать дорогие подарки своим знакомым, поскольку вы ставите их тем самым в затруднительное положение: ведь и они почувствуют долгом вам подарить нечто на ту же сумму. Кроме того, вы слушаете гостей, ограничившись цветами или конфетами. Одним словом, дорогостоящий подарок вы совсем причиняете сплешные неудобства. Если же такой подарок предназначено для вашего начальника, то работу преподнесите, то этому уже нет никакого оправдания, и вас, естественно, возмущают и подкалывают в том, что вы хорошо усвоили другую мудрость — «Дорогой подарок — это «дарины глаза запарашивают». Дорогие подарки возможны лишь между родственниками или коллективами — на свадьбу, новоселье, по случаю рождения ребенка.

ПЯТЬ КОКТЕЙЛЕЙ

Вы пригласили гостей на праздничный обед или ужин. Предложите им в заключение коктейль или любой из напитков, в рецептах для которых вы найдете на этой странице. Их выбор может быть самым пестрым. Коктейли, состоящие из двух-трех компонентов, можно предложить и перед началом или в течение ужина.

Коктейли и напитки не должны быть слишком сладкими, и подавать их можно небольшой порцией.

- 2 порции — ежевичного ликера.
- 1 порция водки.
- 5—7 граммов коньяку.
- 1 порция лимонного сока.
- 1 порция лимонного сока. В банки протертых немного фруктов, положить смесь и дополнить шампанским.

1 порция — 200 грамм.

Танки декоративные бобы и бугорки изгорода из вышитых ленток истокский Силвер Соул-мо.

Нарядный хор (танка). Работе Олга Алония.

Посебнички, выполненные латвийскими художниками из металла.

«КОГО ЛЮБЛЮ, ТОГО ПОДАРУЮ»

не причина собама... Смело дарите это чудесное изделие кому угодно.

СУВЕНИР МОЖЕТ ОБЛАДАТЬ И НЕКОЙ ПОЛЕЗНОЙ ФУНКЦИЕЙ

Скажем, чем плохо получить в подарок 200 граммов шерсти на шапочку, она на дороге не валется. Но сам по себе моток шерсти не выглядит подарком. Попробуйте преобразить его. Ветерчак, свитайте в клубок, потом из нусочна плотной материи, оставшейся от пальто или шалля или еще чего-нибудь, вырежьте форму конуса и два уха — полученная мордочка принашивается к мотку шерсти, сплетя же брови, усы из ниток. Глаза — два маленьких пуговки, хвост — заплетенный в носочку. Совсем немного труда — и вышка-норушка готова. От такой вышки не отчается ни одна любительница вязания, а кто в наше время не вяжет.

Для тех, у кого мерзнут ноги, особенно, когда сидишь подолгу, читаешь, вяжешь, можношить один большой валенок из старого мехового жилета или еще чего-нибудь в этом роде.

Принести в подарок плечики для одежды как-то неудобно. А еслишить специальный мешок из веселенной материи, вставить молнию, то получится еще и красивая и очень нужная в любом хозяйстве вещь, где можно держать термочувствительные предметы. И так далее.

Можете сами продолжить перечень маленьких неординарных и всегда приятных подарков.

СУВЕНИР— ЭТО ТОЖЕ ВЕЩЬ

И его можно сделать самим. Например, из проволоки. Обмотайте ее вокруг карандаша или карандаша (карандаш вытаскивая), а концы проволоки загните так, чтобы получились голова, уши, лапы и хвост — и вот уже воплотился сувенир.

- 2 порции вяшеного лимона.
- 2 порции шампанского.
- Смешать, встряхнуть.
- Нарезать в широкую ленту фрукты и в нос смесь лимона с шампанским.

- 1 порция рома.
- 1 порция водки.
- 1 порция сухого вермута.
- 2 стакана вьетнамского соуса.
- Смешать, вылить в высокие стаканы со льдом.

Конечно, ваше гостеприимство не должно выражаться в том, что вы приготавливаете все контеялы и напитки без исключения. Выберите два-три, которые вам особенно по вкусу и которые также понравятся вашим гостям. Контеялы и напитки не менее важны, чем меню застолья или умения и искусство их приготовления можно легко постичь. Советуем вам испробовать рецепты приготовления контеялов заранее, чтобы не обескуражить себя и гостей неожиданной «находкой». Нужно точно придерживаться

- 2 порции водки.
- 2 кусочка льда.
- 1 десертную ложку сиропа.
- Смешать, вылить в длинные стаканы. Добавить землянику или малину.

- 2 порции водки.
- Сок одного апельсина.
- 2 кусочка льда.
- Положить в длинных стаканах доливая парзан.

порции составных частей напитков, тогда достигается соответствующий вкус контеяла.

Когда и как пить и приготавливать контеялы?

ПЕРЕД ОБЕДОМ достаточно подать один сорт контеяла. Хозяйка старается уже после первого стакана контеяла, когда аппетит достаточно возбужден, подать еду.

ВО ВРЕМЯ ЕДЫ контеялы не подают. По желанию гостей подается вино, не более одного стакана.

Лимон, апельсин, малина и ягод, добавляемые в контеялы, должны быть достаточно в запасе, чтобы выдержать неожиданной «запрос» гостей. Из одного лимона или одного апельсина нарезаются шесть кусочков.

Сахар растворяется в алкоголь плохо. Употребляйте сахарную пудру. Если ее у вас нет, сварите из обычного сахара с небольшим количеством воды сироп, охладите его и добавляйте лимонкам как обычный сахар в напиток.

Чаши, бокалы или стаканы должны быть достаточного объема, удобными для размешивания и взбалтывания, после того как добавлены все приправы.

Кусочек льда не хватит, если вы их приготовите только в корышке холодильника, поэтому сделайте их с запасом и сохраняйте в морозильнике в посуде. Они хорошо сохраняются от таяния и в термосе.

Тающий лед портит тонкий вкус контеяла. Поэтому разливайте контеялы в бокалы тотчас же после его приготовления.

Перевод на журнал «Schöner wohnen»

Заметки военного обозревателя

Адмирал А. Т. ЧАБАНЕНКО

Способность скрытно сблизиться с противником и внезапно атаковать его — главное качество подводной лодки. Именно поэтому на протяжении всей истории развития подводных сил главное внимание конструкторы уделяли совершенствованию этих качеств.

Подлинная революция в строительстве подводных лодок совершилась лишь с появлением ядерной энергии. Новая атомная техника позволила создать истинно подводные корабли, которые могут действовать на больших глубинах неограниченное время, без необходимости часто поднимать запасные электростанции и топлива. Атомные подводные лодки в надводном положении выглядят сегодня так же, как самолет на земле, — они бесшумны. Плавание под водой — основной режим их применения, ибо только он обеспечивает их скрытность. В связи с этим резко усложнился поиск, обнаружение и преследование подводных кораблей.

Помимо принципиально новой энергии, подводные лодки оснащаются теперь ядерным оружием, ракетами, самой современной радиоэлектроникой и другими новейшими техническими средствами. Это, естественно, в корне изменило стратегию и тактику боевых действий на море, вызвало подводные стратегические корабли в один ряд с наземными силами такого же назначения.

Американские агрессивные круги придают важное значение развитию своего подводного атомного флота. В США существуют целая программа строительства новых атомных лодок, модернизация уже действующих ракетных субмарин.

В ЧЕМ СТЬ ПРОГРАММЫ ПОЛУЧЕНИЯ НАЗВАНИЕ «ПОЛЯРИС»? КАКОВЫ ВОЗМОЖНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОДВОДНЫХ СИЛ ЗА РУБЕЖОМ? ПОПРОБУЕМ РАЗОБРАТЬСЯ В ЭТОМ НА ПРИМЕРЕ СООБЩЕНИИ ИЗ США, АНГИЛИИ, ФРАНЦИИ.

Вначале были эксперименты. Вскоре после второй мировой войны 10 американских дизельных подводных лодок с торпедами вооруженным переоборудовали для радиоэлектронного дозора. На них проверяли способность осуществлять дальнейшее обнаружение авиации противника. Боевое современное радиоэлектронное оборудование для таких же целей испытывалось и на двух специально построенных подлодках типа «Сейдфин», а также на атомной подводной лодке «Тритон».

Затем появились крылатые управляемые ракеты. В 1952 году для их размещения оборудовали две дизельные субмарины, затем американцы специально построили две ракетные дизельные лодки — «Рейбек», «Гроулер» — и атомную — «Хелбат».

В 1954 и в 1957 году вступили в строй первые атомные подводные лодки «Наутилус» и «Снаудф» — на них испытывали первые ядерные энергетические установки.

Первыми серийными атомными лодками в США были многоцелевые торпедные корабли типа «Скейт». Затем более совершенные — «Скиджак». К концу 1960 года в США фактически определялись два основных подкласса атомных подводных лодок.

1. Ракетные подводные лодки, вооруженные «Полярисами». (Эти корабли предназначены для ударов по крупным военным и промышленным центрам на территории противника.)

2. Многоцелевые подлодки с торпедными вооружением типа «Скейт», «Скиджак», «Грейпер», «Стерджак» и «Нарвал», предназначенные прежде всего для борьбы с подводными лодками противника, а также для действий против надводных кораблей и выполнения других задач.

— По материалам иностранной печати.

К сентябрю 1968 года атомный подводный флот США составляет 41 ракетосенс и 33 многоцелевые подводные лодки. В постройке находится свыше 30 атомных многоцелевых подводных кораблей. Американские специалисты считают первые 10 атомных торпедных лодок, в том числе «Наутилус», «Скейт» и другие, ограниченно пригодными для противолодочных действий.

Англия и Франция также стремятся иметь атомные подводные лодки, в том числе и вооруженные баллистическими ракетами. Готовятся к строительству атомных лодок и в других странах НАТО.

Атомный подводный флот Англии ведет свою историю с 1963 года, когда на воду спустился «Аредраут» — лодку, конструкторно схожую с «Скиджакем». В настоящее время у англичан есть три многоцелевых атомных подводных лодки и первый подводный ракетосенс «Резолвин». Строится еще три-четыре многоцелевых и три ракетных атомных лодки.

Во Франции также ведут строительство атомных ракетных лодок. Они будут вооружены французскими баллистическими ракетами М5Б5 (по 16 ракет на каждой лодке с дальностью стрельбы до 3 000 км). Первая из них — «Редутабль» — спустилась на воду.

В Италии только готовятся к строительству атомных лодок. Тем не менее сообщается, что первая итальянская атомная лодка «Г. Маркони» будет строиться с помощью американцев — по их проекту «Скиджак». Возможно, что вступит строит атомные подводные лодки в Канаде, ФРГ, Голландии и Японии.

Развитие атомных подводных сил на Западе нарастает. В американской прессе широко рекламируется мощь подводных лодок, их готовность к ракетно-ядерному удару уже через пятнадцать минут после получения приказа. С беспримечным презрением подсчитывается количество городов, которые могут уничтожить одна атомная лодка, вооруженная шестидесятью ракетами «Полярис». В США не только рекламируют мощь и превосходство атомных ракетосенсов. Здесь же сообщают о том, что постоянное боевое патрулирование близ границ СССР ведут не менее двадцати ракетосенсов. Районы так называемого боевого патрулирования подводных ракетосенсов находятся в Норвежском и Средиземном морях, в северо-восточной части Атлантического и в западной части Тихого океанов, они распространяются на многие миллионы квадратных километров. Каждая подводная лодка такого назначения действует в своем районе одиночно.

ПЕЧЕРЬ О ТОМ, ЧТО СЕГОДНЯ ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОВРЕМЕННЫЕ АТОМНЫЕ ПОДВОДНЫЕ РАКЕТОСОСЫ, КАКОВА ОНИ КОНСТРУКЦИЯ, ОРУЖИЕ.

Прочный корпус подводной лодки, внутри которого находится экипаж, все механизмы, оборудование и вооружение, представляет собой цилиндр с прочными прямыми или сферическими оконечностями (внешне корабль имеет отдаленное сходство с формой кита, основным отличием от этой формы является боевая рубка, как это видно на фото). Корпус сваривают из очень прочных марок легированной стали. Иногда наружная часть лодки покрывается специальными материалами, которые, по мнению специалистов, уменьшают или исключают отраженный сигнал гидролокатора противолодочного корабля. Горизонтальные и вертикальные рули расположены в кормовой части лодки (они как бы выносятся вост самолетом), имеются также горизонтальные рули на рубке. За кормовым оперением находится гребной винт. Диаметр его — 5 метров, вес — около 15 тонн. Винт

Американская атомная подводная лодка «Томас Девальерсон». Вооружение — 16 баллистических ракет, четыре новых торпедных аппарата для самостоятельного торпед. Чтобы представить размеры лодки, обратите внимание на рубку «Томаса Девальерсона», где стоит человек в экипаже.

вращается, как правило, с малой скоростью — до 20 оборотов в минуту. Увидеть, что такое винт и малая скорость их вращения создает поистинную шумность.

Атомные подводные лодки специально оборудованы для длительного непрерывного плавания в подводном положении, которое, по данным американской печати, может продолжаться до 70 суток (глубина погружения немного превышает 400 м). Наибольшая скорость, которую могут развивать под водой современные атомные многоцелевые подводные лодки, приближается к скорости таких быстроходных кораблей, как эсминцы. Американские ракетные подводные лодки имеют такую же мощность атомной энергетической установки, как и на подводных лодках с торпедным вооружением, но их водоизмещение примерно вдвое больше. Это складывается из скорости, которая, по-видимому, не превышает 20 узлов, или на 30 процентов меньше, чем на многоцелевых.

Но вернемся к пресловутой программе «Полярис».

В прошлом году она официально завершилась выходом на боевое патрулирование сорок первого атомного ракетносца «Уилл Роджерс». Все лодки этой программы вооружены торпедами, ракетами и новыми разработками серии «Саброук» — противолодочными ракетами-торпедами типа «Саброук».

ЧТО ЖЕ ЭТО ЗА ОРУДИЕ?

«ПОЛАРИС» А-1 была первой американской морской ракетой. Состоит из боевой части, приборной лодки, корпуса двигателя первой и второй ступени, соединительной части. Работает управляется только на активном участке траектории при работающем двигателе. Боевая часть (боеголовка) срабатывает термодинамическим зарядом (давление воздуха до 2200 км). Двигатели ракеты работают на твердом топливе. «Полярис» А-1 был вооружен пять подводных лодок типа «Джордж Вашингтон». В настоящее время они переоборудованы под ракеты «Полярис А-3».

«ПОЛАРИС» А-2 внешне почти не отличается от своей предшественницы — «Полярис А-1». У ракеты лишь увеличена дальность полета — до 2000 километров.

«ПОЛАРИС» А-3. Полногонные испытания велась в 1962—1964 годах. По завещанию американских специалистов, «Полярис А-3» — на 90 процентов новая ракета. У нее большая дальность — 4 600 километров. На ракете А-3 якобы установлена аппаратура радионепроводимости и ложные цели для преодоления противоракетной обороны.

«ПОСЕИДОН». Лодочная баллистическая ракета, о разработке которой в 1965 году говорил президент США. Внешне «Посейдон» похож на «Полярис А-3», но у него вдвое больше «слоновая» ударная ракета имеет боевую систему для создания комки противоракетным средствам. Ракета «Посейдон» якобы несет и ложные цели. Ее боевая часть многозарядная, состоит из трех и более автономных боевых частей. Эти части могут изменить траекторию своего полета и таким образом поражать несколько удаленно расположенных целей. Перезарядка подводных лодок ракетами «Посейдон» намечено начать в ближайшие годы...

На всех являющихся и строящихся атомных подводных лодках капиталистических государств баллистические ракеты размещаются в вертикальных шахтах. Шахты для ракет на подводных ракетносцах США имеют длину около 10 метров. Они равноправны с корпусом подводной лодки. К механизмам и приборам шахты можно было бы добраться через специальные двери. Все шахты

имеют систему кондиционирования, чтобы поддерживать необходимую микроклимат.

Перед запуском ракеты давление в шахте и внутри самой ракеты поддерживается маневровым забортным водом. Затем открывает верхнюю прочную крышку пусковой шахты. Вода не поступает внутрь шахты — ее впускает диафрагма из специального пластика. В подводе положении ракету выталкивает вылет из шахты скачок или порываемый внос. Ракета прорывает диафрагму и выходит со значительной скоростью на поверхность воды. После выходы ракеты из шахты туда попадает забортная вода, поэтому приходится маневрировать с водяным балластом, чтобы удерживать лодку на заданной глубине (порядка 30 метров).

Каждая ракета движется в воде, сошла двигателя первой ее ступени закрыты специальной крышкой. Ракета по очереди выходит на поверхность, и на высоте 15—25 метров автоматический включается двигатель первой ступени. Вслед дальнейший процесс полета ракет также автоматизирован.

Главная задача командира каждой ракетной лодки — скрытно выйти в назначенный район боевого патрулирования и скрытно в нем находиться, избегая каких-либо встреч с кораблями, не быть обнаруженными подводными лодками, авиацией и надводными кораблями противной стороны. В районе боевого патрулирования лодка идет обычно на малом ходу (он же и малозумный) и на большой глубине — именно глубина и малозумность затрудняют обнаружение ракетных лодок. И все же периодически подводный ракетосец должен всплывать на перископную глубину (порядка 10—15 метров) для того, чтобы определить свое место и поправки навигационных приборов, принять радионавигацию, передать донесения. При таких маневрах труднее сохранить скрытность.

В мировом океане стало тесно, многие тысячи судов совершают плавания, и столкновение подводных лодок с другими судами не исключено. С августа прошлого года было два случая, когда атомные ракетные подводки С. Болвар, «Фон Штойбен», входящих на перископную глубину, столкнулись с надводными кораблями. Ракетная лодка «Т. Е. Аш» по недосмотру ее командира попала в сети французского рыболовного траулера «Лоран Бретань». Атомные подводные лодки «Т. Рузвельт» и «С. Вулф» в подводном положении «заделали» сеть, после чего потребовалось длительное ремонт. Чувствительна она на малую глубину в Пира-Харбор. Наконец, где-то юго-западные Азорских островов при невыясненных обстоятельствах погибла лодка «Скорпион»...

Учитывая наличие ядерного оружия на борту, такие случаи представляют серьезную опасность для мореплавания. Официальные представители США неоднократно заявляли, что на все ядерные средства якобы существует «электронный замок». «Ядро» (также «электронный») находится лично у президента США, и потому ни один командир самолета или подводной лодки не сможет по своей инициативе применить ядерное оружие. Можно ли верить в надежность такого «замка» и в то, что невозможно подорвать к нему «ключ», находясь в балластуриях тех, кто несет ответственность?

Итак, проект «Полярис» завершил. Можно было бы поставить точку. Однако программа «Полярис» — «Посейдон» по-прежнему остается важнейшей задачей США.

С началом этого года Пентагон настойчиво добивается ассигнований на проектирование так называемой «сверхторпеды» атомной подводной лодки. Американские якобы может эффективно вести носимые подводные ракетососуды, дома и сфера, судит за ними, а с началом военных действий не

медленно атаковать ракетную лодку противника...

Безусловно, атомные ракетные подводные лодки — грозное оружие, но и они имеют свою ахиллесову пятку.

Считается особенно перспективным для этой цели атомные подводные лодки, оснащенные современным противолодочным оружием (ракетами, торпедами). Развитию и совершенствованию их придается решающее значение во всех крупных морских державах.

Обратимся за примерами к военному флоту США. Атомные подводные лодки типа «Трейсер», «Стержен» вооружены ракетами «Саброук» с аэриальным зарядом (их выпускают из торпедных аппаратов на дальности до 60 километров), а также и управляемыми по проводам торпедами. Завершаются испытания новой противолодочной торпеды МК-48, которая якобы по своим данным превосходит все предыдущие и способна поразить цель на глубине до 500 метров и более.

Современные дизельные подводные лодки шумят меньше, чем атомные. Они также способны отыскать и атаковать атомную подводную лодку, но не сделать за ней долгое время, так как у них ограничена дальность стратегического патрулирования — весьма сильный аргумент в пользу дизельных лодок. В остальном же преимущества атомных подводных лодок неоспоримы. Вот почему англичане и французы строят теперь только атомные лодки. США делают ставку на атомные корабли, перестали строить еще в пятидесятые годы.

Противолодочная авиация с большим радусом действия способна вести поиск подводных лодок на обширных океанских просторах — второе по значимости средство стратегической борьбы. Основным поисковым средством составляют радионavigационно-акустические буй. Сброшенные с самолета, они по шумам или отраженному эху автоматически передают информацию на самолет. Буй по своим свойствам балласт направленного и кругового действия. Пассивные буй найдут лодку по шумам, активные — по отраженному от нее эху. Для обработки информации на самолете устанавливается специальная электронная система, которая выработает все данные для использования оружия — торпед, бомб, ракет. Однако, как пишут зарубежные специалисты, применять радионavigационно-акустические буй можно лишь при помехе моря до 4 баллов.

Надводные корабли сравнительно легко обнаруживают действии против атомных подводных лодок. Это объясняется тем, что подводные лодки обнаруживают аж значительно раньше, чем могут быть сами обнаружены. В последние годы, судя по зарубежным сообщениям, надводные корабли, в том числе и авианосцы, для действия против подводных ракетососуд не предназначаются. Специалисты, вероятно, учитывают опыт минувшей войны (тогда примерно половина всех потопленных авианосцев приходилось на два подводных лодки), послевоенное развитие военно-морских сил и новые качества современных подводных кораблей.

Конечно, атомные подводные лодки, в том числе и оснащенные баллистическими ракетами, не являются монополией США. Заботами нашей партии и Советского правительства строится и совершенствуется советский атомный подводный флот. Пока еще в настоящее время, когда без ущерба для обороны нашей Родины можно было бы раскрасить читателя «Смелый» о конструктивных особенностях и тактико-технических данных наших замечательных атомных подводных кораблей.

Угроза из глубины исходит в настоящее время от атомных баллистических ракетосуд США. Против них применяются надежные меры.

ЮНЫМ МОЗАМБИКА
ФОТО Я. ШАРОХА (СССР)

**МИР
МОЛОДОСТИ**

В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ

ПОД МИКРОСКОПОМ ВРЕМЯ

достоинства. Таким был художник в своем творчестве, таким оставался он и в личной жизни. Рассказывают, что однажды Перуджино расписал стены в одном монастыре, настоятелю которого являлся секретом истинная дорога красоты — ультрамаринной лазури. И так как краски этой было у него в изобилии, он просил Перуджино употребить ее как можно больше. Однако, будучи человеком скрупул и подозрительным, он хотел всегда присутствовать во время работы художника, чтобы следить, как он расходует дорогую краску. Перуджино, человек правдивый и честный, вполне понятно, был обижен недобрым настоятелем и решил его проучить. Разведя ультрамарин, он стал почти после каждого махова споласкивать кисть в специально приготовленном сосуде с водой, так что краски больше попадало в воду, чем на стену. Настоятель, вынужденный часами подсыхать драгоценную краску, все время вздыхал: «Ах! Сколько ультрамарина потопит эта ивица!» «Но вы же сами видите, сиятой отец», — невозмутимо отвечал ему художник. Окончив работу, Перуджино, когда настоятель ушел, собрал все оставшиеся на дно сосуда ультрамарин, высушил его, а затем возвратил незадачному владельцу, сказав лишь: «Учтите! Следует честным людям!»

Стремился всегда сделать правду делом, он предает как непосредственный художник, своим творчеством, своим искусством. Во фреске «Передняя клетка монастыря Петра» изображены привратником ивдером и, кажется, несомненно, являющимся владельцем «Обручение Марии» (одно из лучших ранних произведений Рафаэля, художник передает цепкую

легенду как маршовой сцене. Неплохо современник считали Перуджино «человеком весьма маловерующим, и его вина: не могла заставить признать в бессмертье души». Среди персонажей картины можно выделить много лиц, одетых на в средиземноморском стиле, а в костюмах, характерных для Италии XV века. Следуя традиции италийского Возрождения, Перуджино дает здесь реалистические портреты своих современников и в то же время прекрасно выполненная тем же цветом имитация автопортрета.

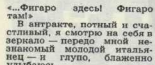
В многочисленных мадоннах Перуджино, нежно-одуванчиковые и золотисто-зеленые, чувствуются, как в зародках, мягкость и лиризм, свойственные поздние теню Рафаэля. Перуджино, как и его учеников, интере-

сует в этой теме не мистический образ матери бога, а поэзия и красота материнства. Идентом в одной из самых известных и прекрасных мадонн Перуджино (в людовской триптихе «Мадонна с младенцем и святым Иеронимом») портрет горячо любимой им жены, красавицы Клары Фаччиети. Произведения Перуджино имеются и в нашей стране: это «Портрет молодого человека» в Государственном Лейнинградском Эрмитаже и необычайно потугивная и в то же время таинственная «Мадонна с младенцем» в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве.

А. АРКАДЬЕВ

ПЕРУДЖИНО

Петро Вуваччи, известный под именем Перуджино, являющийся одним из величайших мастеров живописи своего времени. Произведения Перуджино — простые и бесхитривые — в то же время имеют на себе печать большой внутренней силы и чувства собственного

«...Фигаро здесь! Фигаро там!»
В антракте, потный и счастливый, и смотрю на себя в зеркало — порою мной неизменно восхищен итальянец — и глухо, блаженно улыбаюсь.

На столе уборной огромная картина камейной и буйной веселых роз. Неужели успех! От радости и готов обнять весь мир, начиная с рабочих сцен и поварных улыбок.

Фигаро, на сцену! — звучит в гудок голос поваров. Второй акт. Замечательные ребята-сространцы в пазах обдирающе изводят меня. На строгим лице дирижера написано удовольствие. Значит, все идет хорошо.

Легко звучит мой голос, без напряжения вышло несколько звуков. И вдруг, резко повернувшись, чуть не кричу: «Уважаемые, острая боль в ноге». В слуховухе мгновения боль растеется, застревает огненной нитью где-то в мозгу. Что это?

А в зрительном зале стоит та особая тишина — предвестник успеха.

Удивительно правдиво звучит оркестр, удивительно зыбко голос певцов.

Только бы не уходить, — мечется в моей голове мысль, — подержать это до конца... С каждой минутой боль растет. Стискивая зубы, я улыбаюсь, стараясь по пути Альманьян и Розини, читаясь ускользающим сознанием за слова: «Выдержите!»

Капля, прошла капля времени, пока занавес поднялся на сцену. Отгушенный амплоисментный и медленный существование на пол у бутфорского кресла.

Получив на вызов! Фигаро, к рампе! — надрывался в гудок поваров.

Смотрите! Он сломал ногу! — погугуряла в темноту, услышал я.

М. СПЕРАНСКАЯ

ВЫСТАВКА «СМЕНЬ»

ВАЖНЕ ДЕЛА В ЖИЗНИ НЕТ

На выставке в «Смене» я увидел живописную работу «В порту». Строгие силуэты кораблей, перламутровая дымка над горизонтом, солнечная реба воды. Все это, знакомое мне с детства, вдруг по-новому открылось с картинами, остро вставло в память вместе с маргритин запахом скора, канатов, мелких моральных дел. Под руками стояла фамилия — Г. Ратнер. Вспоме и познакомился с художником Германом Ратнером.

Выставка в «Смене» показала лучше картины и гравюры художника, его рисунки и эскизы, узнаю, к кому из художников у которого уже сложился свой взгляд на жизнь и определился привязанности в искусстве. Это процесс сложился и в познавательном, но всегда необходимый.

В становлении художнической личности Германа Ратнера немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что он окончил Московский архитектурный институт. Вторая профессия всегда обогащает художника. Зато он увлекся театальной декорацией, работал художником в театре, в частности, приняла гравюры, монотипии, эскизы для Революционного театра. Реально ощущая очень строгий, выверенный композиционный слог. Эти черты характера проявляются и в его живописи.

Вышел в редакцию молодого журнала — итог двух поездок летом 1965 года по своим маршрутам на большом морозильном траулере «Мораль» и через два года — тоже матросом — на танкере «Морозильный». Ратнер раздал гравюры прямо на корабле, в свободное время. В его гравюрах появились рыбы и чапли, бухты, и траулеры, и выходы черной и рыболовные сети. И, конечно, люди: суравы, сдержанные в своих жестких проявлениях. Ратнер поставил перед собой задачу

ИНО СТРАННЫЙ ЮМОР

передать обобщенный образ моря, ощущая, рождая конкретный ситуации. — Кричат, кричат, рождается мысль. Рассматриваются на волне, манящие траулеры, корабль поплывал. Неподвижно и грустно стоят высокие плавабы. В морской каюте Герман Ратнер после вахты рисует, ремонтирует гравюры. Узнавать моря, не гасить в себе жажду путешествовать, бродить по земле. Быть с кем-то, кто знает, быть с тем, кто знает художника. Даже по работам Германа Ратнера, не являющийся ни эталоном, ни образцом, но показательным примером, видно, как много дали ему поэзия, и в познавательном и в творческом смысле. Работая матросом, Герман сразу выявил конкретные результаты своего труда. — Но по 12 часов стоял у штурвала, занимался пораской, уборкой, штурвалом.

Помните у Маяковского: «Их шаг мером не философствовал, вода». У Германа меньше всего философствований. Он решает свои задачи, ил от уже сложившейся дружбы, тонкой, но плотной, весомые, словно прибитые к сырью тумаров и рыбаков. Художник садится в лодку, выходя с мотористами и штурманом, и дружба падает в море. Многие увезли на память его рисунки. А для Ратнера это лишь один из многих характеров, иррегулярной дружбы, тонкой, но плотной, весомые, словно прибитые к сырью тумаров и рыбаков. Художник садится в лодку, выходя с мотористами и штурманом, и дружба падает в море. Многие увезли на память его рисунки. А для Ратнера это лишь один из многих характеров, иррегулярной дружбы, тонкой, но плотной, весомые, словно прибитые к сырью тумаров и рыбаков. Художник садится в лодку, выходя с мотористами и штурманом, и дружба падает в море. Многие увезли на память его рисунки. А для Ратнера это лишь один из многих характеров, иррегулярной дружбы, тонкой, но плотной, весомые, словно прибитые к сырью тумаров и рыбаков.

Гр. АНИСИМОВ

ДВОЕ СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Повесть, которую журнал предлагает вниманию читателей, построена на материалах реального уголовного процесса. При написании авторы могли бы дать и какой-нибудь список, указать том и лист дела, где свидетели или обвиняемые рассказывают соответствующий эпизод. В повести нет ни одного вымышленного лица, лишь фамилии некоторых вымышлены.

Но не изменена фамилия смелого и симпатичного парня, московского таксиста — зэрышки бандитов. Мы публикуем фотографию ЮВ-СТАНИНА ПОПОВА.

Вглядитесь в лицо этого человека. Может быть, на несколько минут судьба сводила и вас с ним, и его добрая улыбка ни в коем случае не была в чужой вымате.

Но на дороге его однажды встретили двое пассажиров — «двое среди людей», и вот теперь перед нами строго документальная повесть, рассказывающая, что же произошло дальше.

Почему авторы, которые ни на йоту не собираются по отношению к изображаемым преступникам разделять принцип «понять — значит простить», все же в повести своей роль бы предоставляют слову «сподвижник»?

Произведение братьев А. и Г. Вайнер только на первый взгляд может показаться родственником модной сегодня литературе факта, в которой терять и негодять «на равных» получают право голоса.

Перед нами повесть-исследование. Позиция авторов точно выверена. Их задача — показать «внутрь» преступников так, чтобы мы не только предположили активным гражданам, исследованном, но и знали все психофизиологические отклики их падения: знали для того, чтобы умели предупредить беду.

В постановлении о работе милиции, недавно принятом ЦК КПСС и Советом Министров СССР, предусматривается среди других мероприятий и улучшение подготовки воспитанников. Публикуя повесть «Двое среди людей», редакция полагает, что поднятые в ней проблемы несправедливости и принуждения, соотношения преступления и наказания вызовут у читателей и исследователей ряд вопросов об этих вопросах на страницах журнала, и готовность самим активно поддерживать органы охраны социалистической законности в их благородном деле.

1. Владимир Лакс

— Сейчас налево, — сказал на Андроньевской Альбинас.

— Да ты что, друг! Здесь же «кирпич» — проезд закрыт, — расплыл щекою пригоршни картных горшин таксист. — Объедем через следующий квартал.

Я как-то судорожно вдохнул и оглянулся. Сади, в сумраке кабины, размазавшись светлым пятном бледное лицо Альбинаса. Его русые волосы казались мне сейчас совсем черными, и длинная прядь на лбу пошла над глазами, как повзвиз на степях. Альбинас пошелил побородом на спинку переднего сиденья и сказал:

— Тогда давай направо...

Я взглянул на щиток — часы показывали сорон три минуты первого.

«Вот» фигуриду на повороте и поехала по Рабочей улице. Проезжую часть загоралаев строительный табуир.

А черт побой! — выругался таксист. — Снова перекордиров...

Он часто ругался, но оттого, что очень смешно картаны, расхватав бумву «р», будто этот один большой звук дробился о зубы на добрую дюжину маленьких коултых звуков, ругаясь его получалась несерьезной и совсем незлой. Он притормозил машину:

— Посидите, ребята, минутку, я взглянул, можно ли проехать. А то здесь на мусоре баллон в два счета промелеет.

— Момент, мы здесь выйдем! — сказал Альбинас, прижимая мне локтем руку. — Валь рядом.

Я отодвинул руку и отпернулся.

— Нет, поехали дальше. Устал я. В крайнем случае объедем.

— Как хотите, — пожал плечами таксист. — Я тогда выйду посмотрю.

— Давай, — вынул я.

Таксист оставил фары зажженными, и тихая зеленая улица превращалась белым мертвыми светом далеко, почти до конца. И фигура таксиста казалась от тьмы громадой, расхлывчатой, очень сильной.

— Ты что, сарказм! — хрипло выдохнул Альбинас. — Ты его куда гонишь?

— И дому, — резко обернулся я. — Ты дурак.

Смотри, людей еще полно на улице. Не было на улице никаких людей. Я почувство-

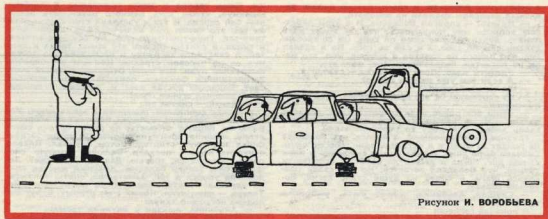

Рисунок И. ВОРОБЬЕВА

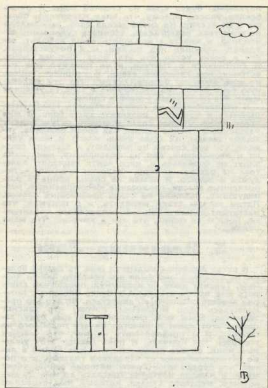

Рисунок В. ПЕСКОВА

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

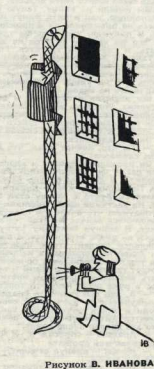
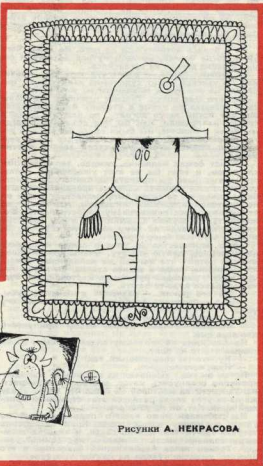

Рисунок В. ИВАНОВА

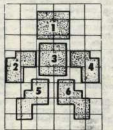

Рисунки А. НЕКРАСОВА

5
НА ДАХ
МЫШЬ
ИЛИ

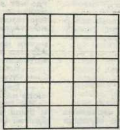
1.

Перерисуйте на плотную бумагу эти кусочки, увеличьте их по клеткам, и аккуратно вырежьте. Затем попробуйте из этих частей сложить новую симметричную фигуру таким образом, чтобы отверстие внутри ее было полной копией самой фигуры, но уменьшенной наполовину. Как это сделать?

Цифры 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25 разместите по одной в клетку так, чтобы сумма цифр по горизонтали, по вертикали и по диагонали была одинакова.

2.

Присмотритесь внимательно к рисунку и определите на глаз, из скольких рыбок он составлен.

3.

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87.

Сдано в набор 24/ХІІ 1988 г. А 00009. Подписано и печатано 18/І 1989 г. Формат бумаги 70 x 108/16. Усл. печ. л. 5,6. Уч. изд. л. 11,55. Тираж 1100 000 экз. Под. № 209. Заказ № 72. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правда», 24.

ОГРОМНОЕ НЕБО

Спокойный темп, как вальс

mp

Об э - том, то - ва - рич, не воплотитъ мель - я. 8 ад -

ной за - каз - рилью служили дру - зья. Н бы - ло на

службе и в сердце у них ог - ром - но - е не - бо, ог -

- ром - но - е не - бо, ог - ром - но - е не - бо од - но

*) В 3-м куплете на словах: «Не скоро полныи травой зарастут» сделать сильное замедление. Делать в первом темпе.

Г.в.

на двоих.

ог - ром - но - е

не - бо, ог - ром - но - е не - бо од - но на дво -

не. Ле - // за - л. Н // ду - ..

А го - рад по - ду - мья в го - рад по - ду - мья -

че - нья Н - ду - .. в мо -

Слова Роберта РОЖДЕСТВЕНКОГО

Музыка Оскара ФЕЛЬЦМАНА

Об этом, товарищи,
Не вскачь и не льзя.
В одной эскадрилье
Служили друзья.

И было на службе
И в сердце у них
Огромное небо,
Одно на двоих.

Летали, дружики
В небесной дали,
Рукою до звезд
Дотянуться могли.

Беда подступила,
Как слезы к глазам:
Однжды в полете
Мотор отказал.

И надо бы прыгать, —
Не вышел полет,
Но рухнул на город
Пустой самолет.

Пройдет, не оставя
Живого следа,
И тысяч жизней
Прервется тогда.

Мелькают кварталы,
И прыгать не льзя.
«Дотамем до леса —
Решили друзья».

Подальше от города
Смерть унесем.
Пускай мы погибнем,
Но город спасем!

Стрела самолета
Рванулась с небес,
И вздрогнул от взрыва
Березовый лес...

Не скоро появятся
Травой зарастут —
А город подумал:
Ученья ндут.

В могиле лежат
Посреди тишины
Отличные парни
Отличной страны.

Светло и торжественно
Смотрят на них
Огромное небо,
Одно на двоих.

КРОССВОРД

Составил Ф. КОРШУНОВ,
г. Воронеж, Мисской обл.

По горизонтали:

- Прибор для измерения цвета.
- Итальянская монета.
- Оружие для стрельбы.
- Писец А. Н. Афиногенова.
- Комсомолец, герой гражданской войны на Дальнем Востоке.
- Притон Северной Двины.
- Божественное звание.
- Ягодный кустарник.
- Фотографический объектив.
- Способ извлечения музыкальных звуков.
- Область центра в РСФСР.
- Советские композиторы, авторы песни «Моясь вальсы».
- Роман А. Караваяков.
- Соприкосновение двух электрических проводников.
- Город в Красноярском крае.
- Смертельный снаряд.
- Персонаж пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня».
- Народный герой Италии.

По вертикали:

- Молекулярное соединение.
- Остров архипелага Северная Земля.
- Сплав металлов на севере Чили.
- Строительное в прозе И. С. Тургенева.
- Аттракцион, развлечение.
- Пластический материал.
- Промысловая морская рыба.
- Принимавший из тригоны Ф. В. Галлеона.
- Город в Ферганской области.
- Дипломатический документ.
- Столица скандинавского государства.
- Вид эстрадного представления.
- Озеро на Памире.
- Однодольное растение.
- Персонаж оперы А. Г. Рубинштейна «Демон».
- Значок на форменной фуражке.
- Роман О. Гончара.

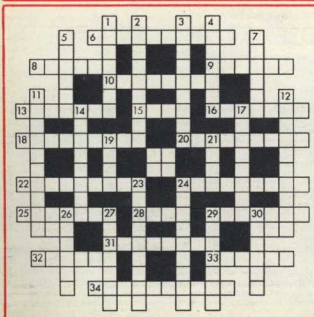
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

- Барометр.
- Кремнез.
- Миллани.
- Вискоза.
- Лайка.
- Сойка.
- Ростропович.
- Чеснок.
- Тер. Голырь.
- Травитин.
- Физик.
- Вранч.
- Смокер.
- Вьетнам.
- Углерод.
- Катин.
- Смуца.
- Дюгон.
- Дипломатический документ.
- «Апрора».
- Врандифурт.
- Плес.
- Индия.
- Абрикос.
- Филатов.
- Оператор.
- Куренчик.

По вертикали:

- Поляна.
- Сейнер.
- Дергач.
- Селле.
- Вудрашп.
- Пирог.
- Плотина.
- Мамонт.
- Кунашир.
- Голландия.
- Осумчур.
- Кислород.
- Кислород.
- Трастанц.
- Народный.
- Брас.
- Талки.
- «Салазбо».
- Муромец.
- Петруши.
- Калисто.
- Коритков.
- Кондор.
- Решетка.
- Бурты.
- 45.
- Гитар.
- Сайра.
- Кисне.

Приз команде — победительнице первенства мира по классической борьбе. Завоеван сборной СССР в 1967 году в Бухаресте.

Приз первенства Европы по баскетболу для девушек. Выигран сборной СССР в 1967 году в Италии.

Переходящий приз за командную победу в первенстве мира по стрельбе из малокалиберного пистолета. Вручался сборной СССР в 1954, 1955, 1962 и 1966 годах.

Кубок Европы по спортивной гимнастике для мужчин. В 1954 году кубок вручен В. Муратову, в 1955-м — С. Шахмату, в 1956-м — Ю. Титову и в 1967-м — М. Воронину.

СИМВОЛЫ ПОБЕД

В каждом спортивном клубе есть застывшая витрина, уставленная хрустальными, серебряными и даже золотыми трофеями. Взгляните иной раз на какую-нибудь вазу, ну, кажется ничего в ней особенного, а ведь сколько она потребовала страстей человеческих, сколько сил пришлось израсходовать, чтобы добыть, влить в руки, прижать к груди этот сверкающий символ победы.

Переберите в памяти наиболее яркие эпизоды мировых хоккейных чемпионатов. Что вам лучше всего запомнилось? Конечно же, счастливое лицо капитана нашей сборной, поднимавшее над головой кубок победителей. А разве не вызывает восхищение и даже своего рода священный трепет торжественный ритуал вручения Кубка СССР по футболу? Вмощные, уставшие футболисты осторожно передают друг другу приз, на котором навечно, навсегда будут выгравированы название их команды и дата победы. Пролетят десятилетия, на смену нынешним триумфаторам придут другие, те, что сегодня, может быть, и на свет еще не родились, но они с полным основанием скажут: мы выиграли кубок во второй (в пятый, в десятый) раз, вот видите, наши имена высечены на его гранях.

Любители спорта редко видят эти драгоценные призы, разве что в момент вручения их победителям, да и то издали, с трибуны. Вот мы и хотим, чтобы вы полюбовались хотя бы неосторожно из них — вычленившими сияющий неистовой, бескомпромиссной, вечной молодой души спортивного боя.

Большой приз Наций — за победу в первенстве мира по фехтованию. Сборная СССР — победитель этих соревнований в 1963, 1966 и 1967 годах.

Переходящий приз первенства мира по гребле на каноэ. Завоевался сборной СССР в 1958 и 1966 годах.

Кубок Европы по легкой атлетике для женских команд. Сборная СССР — двукратный обладатель этого приза (1965 и 1967 годы).

Приз первенства мира по баскетболу для мужских команд. Впервые завоеван сборной СССР в 1967 году в Монтреале.

Приз за победу в первенстве мира по танцальной атлетике. Завоеван сборной СССР в 1966 году в Берлине.

Кубок Европы по плаванию, конному полю и прыжкам в воду. Сборная СССР выигрывала этот приз в 1958, 1962 и 1966 годах.

Переходящий приз первенства мира по конному. Выигран советскими конюхами три раза подряд (1966, 1967 и 1968 годы), навечно передан сборной СССР.

